

Аслан ЖАКСЫЛЫКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Роман

Окончание. Начало в № 12, 2023, №1–3, 2024.

Тайбала

Ты как будто арестован. Домашний арест означает, что ты не можешь покинуть свой дом, у ворот выставлена охрана. К тебе никого не пускают. Зия может выходить, чтобы сделать покупки на базаре, принести домой воду, топливо для очага. Стража у ворот сменяется каждые три часа. В чём причина твоего ареста – неизвестно. Начальник караула в первый день, когда была выставлена охрана, хмуро пояснил, что таков приказ свыше. Разводные и караульные на твои вопросы не отвечали. Оно и понятно: вступать в беседу с изолированным было строго запрещено.

Глаза Зии излучают нескрываемое сочувствие. Она даже умилена твоей опалой и, когда покидает дом, о чём-то долго шушукается с товарками. Она усиленно кормит тебя и, похоже, вполне счастлива, что обожаемый ею человек находится под её опекой. Зия приносит с улицы новости. От неё ты узнал, что весь народ только и говорит о вторжении войск Джурухи через Большое западное ущелье. Судя по всему, приближается крупная заварушка. Кургуры и утургуры, недавно принятые в войска, вели себя невозмутимо, а кокборе и борисары были встревожены. Город напоминал взворошенный муравейник: туда и сюда скакали нарочные, рабочие отряд за отрядом отправлялись на ремонт городских стен и рытье рвов, с утра до вечера колонна за колонной войска шли через ворота занимать позиции на подступах к столице.

Вечером, взяв газовый светильник, ты спустился в подземный ход под домом. Он был прорыт давно, в первый год строительства города, и за давностью лет почти заброшен. Закрыв за собой люк, ты зажег светильник и осмотрелся. В небольшой кладовке на кошке лежал походный ранец. Ты распаковал его и проверил содержимое. Здесь хранились два разобранных лука, запас стрел, пара ножей, кистень, кремни, кожаная одежда, пакет с сушеным мясом. Снаряжение было в полной сохранности и не тронуто тлением. Возвращаясь из походов, ты всегда спускался в подвал и проверял, просушивал снаряжение и оружие. Теперь оно пригодится для дела.

Сова витала над несуществующим лугом. Ты сел на старую кошму и задумался. Приказом о твоем аресте зардар освободил тебя от ярма служебного долга. Именно это, видимо, тяготило тебя все последние годы – клятва барлуги, которую ты некогда дал командующему, вступая в его войска. И теперь он, необоснованно заподозрив предательство, изолировав тебя, фактически освободил тебя от той клятвы. Ты больше не барлуга, и это хорошо, это открывает новые возможности. Ты называл себя военным разведчиком, на самом деле был посыльным, мальчиком на побегушках, а теперь стал козлом отпущения. Своей жизни у тебя не было, тебя могли отправить в поход в любую минуту, нередко вызывали к начальнику разведки даже глубокой ночью. Тебе запретили встречаться с братьями, с Малышом утенком, Кояном, Уку филином, ты, скорее, не жил, а тлел-чадил, был безропотным рабом для

людей, способных на любую подлость. Хорошо, что у Бори и Кабанбая открылись глаза на сущность зардара и они начали действовать. И они будут думать о свободе своих братьев, а не о сомнительных интересах авантюриста, который возомнил себя каханом несуществующей страны. Чем же он отличается от совы, которая парит над призрачным лугом? Надо жить и биться ради интересов братьев, ради их свободы и той великой неизвестности, которую называют судьбой, сущностью. Ты много лет носился по путям-дорогам, проливая пот ради чужих, враждебных тебе людей. На истинную тропу ты и не вступал. Пришла пора торить свой путь. Прав был Боря, когда сказал: «Иди к братьям, готовь их к дороге домой». Однако всё, что было с тобой последние двадцать лет, было не напрасно. Всё же ты опытный воин, не зря тебя называют кургурским бегуном, человеком-гепардом. И ты потянулся всем своим гибким, длинным телом, хрустнув суставами, немо оскалился, глядя во тьму подземного прохода. У человека-гепарда свои интересы, и они делают его сильным. Ты должен увести отсюда Зию и братьев на просторы саванны. Там свет просторов, чистый воздух, переливающийся шелком, там гремит гром, проливаются яростные ливни, над гулками травами проносятся стада тарпанов, куланов, зубуйволов. Вы будете жить в шатрах, охотиться, бить дичь, есть мясо и продвигаться на восток, туда, где дремлет в лесах забытая родина. Вот простая и ясная цель, которая пробудит спящие силы человека-гепарда. К дьяволу рабство у гиен, зверолодей с окровавленными мордами! Ты должен искать свой путь.

Стража стояла у ворот твоего дома, а ты, выставив светильник, продвигался в полумраке хода. Хорошо, что некогда проложил этот лаз. На это ушел не один месяц тяжелой работы. Ты задыхался в темноте, кашлял, глотал пыль и прах, но довел работу до конца. Этот глубокий проход был прорыт до кварталов ремесленников и водоносов. Выход был замаскирован под лачугой старика-ваятеля. Вернее, лачуга старика была воздвигнута на месте, где был скрыт выход из подземелья. Хозяин, конечно, не подозревал, что находится под полом его дома. Воистину провидение вело тебя тогда, и оно привело к этому дню, когда наконец понадобился тайный ход под землей.

Были уже сумерки, когда ты вышел из хижины ваятеля. Старика дома не было. Смутно помнится, ты поднял люк, замаскированный сверху грунтом и слоями кошмы, оглянулся. В лачуге было темно и тихо. Огромный каменный шар в центре дома излучал покой и сумрачность. Ты оглянулся на шар, подивившись его размерам, и вышел наружу. Надо было спешить. На вечерних улицах и переулках было пустынно. На ветках акаций, как всегда, хрипло переговаривалось воронье. Стараясь идти в тени стен и дувалов, ты быстро добрался до купола государственного хранилища. Здесь охраны не было. Ты оглянулся по сторонам и скользнул в проем главного входа.

Помнится, много лет назад ты был здесь. Хранилище только что было построено, слуги и рабы переносили сюда кипы с государственными документами, архивными материалами. Оказывается, за многие годы ты основательно подзабыл план внутренних расположений, и сейчас пробирался по помещениям наугад. Коридоры затейливого сооружения под земляным куполом петляли туда и сюда, то вверх, то вниз. Они казались лабиринтами чьего-то сна, древнего и замшелого, ушедшего на дно архаических времен. И всюду стояли стеллажи из бамбука, черного дерева, на полках лежало несметное количество коробок с непонятными номерами и знаками. Воздух этих лабиринтов был затхлым, тяжелым, гнилостным, он был насыщен спорами подземных грибов и лишайника. Безусловно, если бы не самоотвержен-

ная работа служителей, эти проходы давно заросли бы подземными лесами, черными, хрусткими, несметно густыми. И тогда некогда и некому было бы разбираться, в чьих снах мы заблудились.

Жан спустился по берегу пустынной реки. Он был одинок и задымлен отчаянием. За большой дубовой дверью слышались чьи-то голоса. Не тайный ли совет вселенского здания собрался за зеленым, необъятным столом, чтобы выслушать донос оборонно-ответственной бабы, подметное письмо на мужа, двойного или тройного агента невидимых лож? Ты потянул на себя ручку двери и заглянул в зал. Стол действительно был просторным, он уходил куда-то во тьму. В освещенной стороне за столом сидели гротескные существа из древних снов: большой старый заяц, сивый и усталый, ушастый филин, седой, замшелый, всклокоченный, и некто, похожий то ли на копну, то ли на огромную разлезшуюся квашню. Все трое с испугом оглянулись на тебя.

– Гепард! – взвизгнул Заяц.

– Ухо-хо-хой! – заухал мрачно филин и замахал крыльями.

– Тайбала! – радостно сказала квашня и поднялась с места. Это был Малыш утенок.

«Тайбала?» – недоверчиво переспросили Коян и Уку филин, и их качнуло вперед. И ты поразился их старости, они были ветхими, полупризрачными существами, немощными и подточенными слабостью. В последний раз видел ты их лет пятнадцать или шестнадцать назад. С тех пор встречаться вам не доводилось. Боже ты мой! Что с ними сделали годы? Они же были детьми, подростками, когда ты оставил их здесь в этом здании пятнадцать лет назад. А сейчас перед тобой два старика, шамкающие беззубыми ртами, еле переставляющие ноги. Что с ними случилось? И ты увидел строгий взгляд Малыша утенка, он словно предупреждал тебя, мол, не удивляйся, не задавай лишних вопросов, принимай всё как есть, как должное.

Первым подошел Малыш утенок, он был пухлым, вернее, тучным, действительно квашней, телесно-желтой и вонючей. Но движения его были полны силы, он энергично переставлял свои огромные плоские подошвы. Тем не менее на то, чтобы подойти к тебе, у него ушла минута. Два старика всё еще брели, как тени, они шатались, качались, влачили, как существа иномирья, растекаясь и угасая. Ты с горечью смотрел на них. Доберутся ли они до родины? Хватит ли у них сил, чтобы выбраться даже из этого здания? Это хранилище старины забрало все их силы, высосало из них соки, выпило их время, оставив только тени, жалкие и колеблемые, словно огоньки на ветру.

Малыш утенок обнял тебя и заглянул в твои глаза. И тебя словно унесло на мгновение в прошлое, в те дни, когда вы с Апке по очереди таскали его на спине в рюкзаке по пустырям и буеракам Зоны. И тебя пронзило странное ощущение, что всё случившееся за последние годы было сонными грезами, реальностью же были именно дни детства, ибо они являлись временем силы и ясности. Это чувство было таким острым, переворачивающим душу, что ты ощутил почти физическую боль.

«Это ты?» – спросил взгляд Малыша утенка. И ты молча кивнул головой. «Но почему так долго не было тебя?» – снова спросил тот же желтый, лунный взгляд. И ты ничего не мог сказать в ответ. А потом рядом оказались Филин и Заяц, они касались твоих ладоней, заглядывали в лицо, вопрошали о чём-то плачущими глазами, и ты всё понял. Их темная, природная сущность взяла свое, звери и птицы же не живут долго. Коян и Уку филин превратились в престарелых зайца и сову, их время сочтено. Они уже шли по дороге возвращения, и ничто, никакая сила не могла остановить это. Между тобой и ими росла

преграда, и это было не отчуждение, а нечто другое, что-то упругое, осязаемое и непреодолимое. Дело в том, что Коян и Уку филин уже наполовину пребывали во тьме тления. Они уже утопали в нем, и ты с этим ничего не мог поделать.

Потом вы сидели за тем же столом и разговаривали. Тебя не оставляло ощущение нереальности происходящего. Быть может, ты всё еще в подземелье, надышался парами грибков и корней и уснул на ногах, не заметив, что оказался во сне. Но сон этот был слишком подробным и медленным, и с этим нужно было как-то смириться. И ты смирился, ведь не было твоей воли на то, чтобы оказаться в этом мире. Во всём, что происходит с тобой поневоле, есть явное наваждение.

Уку филин и Коян без конца задавали вопросы, интересовались деталями твоего путешествия в Зону. С жадной пытливостью детей они выясняли, всё ли осталось там на месте, не разрушился ли барак, не поели ли крысы пол, не зарос ли лесом поселок, не обрушилась ли их любимая башня, не завалилась ли печь в овраге, не поселились ли там волки, стоят ли на месте большие здания, где некогда в смутных палатах выявились они в этом мире? И ты отвечал, борясь с печалью, балансируя над бездною, горькой, бездонной. Ведь ты был в Зоне с ними, эта ваша жизнь, ваше прошлое дымилось и сочилось запекшейся кровью в воспоминаниях о ней. Ты заметил усилие в глазах Малыша утенка и понял, что он испытывает те же чувства. Однако ему всё же было легче, ибо он привык к ностальгии стариков, не впервые ему видеть их в расстроенных чувствах. Едва ли не каждый день они хныкали и канючили в когтях тоски по прошлому, по родине, где хотели умереть на своих детских кроватках.

Когда ты рассказал, как выкашивал заросли во дворе, чистил дорожки, проходы к сараям, кладовкам, вырубил кустарники, так что обнажились старые огородные грядки, лица стариков посветлели. Посыпался новый град вопросов, и ты поразился памяти Кояна и Уку филина. Они помнили свое детство так отчетливо, будто всё это происходило вчера. Потом ты перешел на описание помещений дома, рассказал, что в проеме печи на плите до сих пор стоит казанок, что в лампе всё еще есть керосин, а на кроватях всё те же серые солдатские одеяла, на полу под стенами рядом лежат их игрушки. Уку филин и Коян молчали. Ты взгляделся и увидел в их глазах набухшие слезы. Тоска эта была слишком велика, и ты спросил себя, почему жизнь посылает такую боль, за что? Ваше молчание длилось долго. И в этом безмолвии вы были едины, вас объединяла память о приюте и подсознание, что-то затаенное и глубокое, знающее о больничной комнате, самой первой, немой свидетельнице отречения матери от дитя. «Трое должны стать одним» – прошлестело в ушах, и ты очнулся.

*За стенами барака шелестел дождь, вы, дети-подростки, лежали на своих кроватках и слушали, как за окном ухаёт неясить, скрежещут сучками деревья, мир был огромный и непонятный. ...Ты рассказал Малышу утенку, Кояну и Уку филину про поручение Бори и Кабанбая. «Пусть братья будут готовы, чтобы можно было отправиться в дорогу в любой момент!» – передал ты слова Бори и Кабанбая, с сомнением глядя на Кояна и Уку филина. Старички встрепенулись, услышав слово *домой*. Возвращение на родину было их давней и заветной мечтой, самой дорогой. Они были готовы отдать всё, лишь бы оказаться на пути домой. В заплаканных глазах горел свет надежды, лица были озарены. Бедняги, они не понимали, что хранилище старины цепко держит их, оно уже впитало их души и ни за что не отпустит. Не пройдут они и десяти*

шагов за пределами здания, как изнеможение заставит их остановиться и вернуться в эти окаянные стены. Они упустили свое время, земной прах уже чувствует их возвращение в лоно. Однако оживленные старики уже обсуждали предстоящую дорогу, перечисляли вещи, снаряжение, припасы, нужные в пути. Они были вне себя от счастливого нетерпения. Несчастные, они не успеют покинуть даже пределов города, как будут схвачены солдатами. Никудышный путник и Малыш утенок. Его короткие ноги с плоскими подошвами не способны к походному шагу. Он просто убьет своей нерасторопностью Тайбалу, привыкшего к стремительному бегу. Что делать? Как выйти из положения? Спасительная мысль пронеслась в голове. Этим бедолагам нужна повозка. Если найдется телега, твой мощный джунагр без усилий потащит её со всем грузом и людьми. А ведь ты хочешь забрать с собой еще Зию. Значит, нужно незаметно для людей отыскать легкую, подрессоренную телегу с большими колесами. Но как вывезти её из города? Нужен план. Как пригодилась бы здесь смекалка Апке!

Словно прочитав твои мысли, Малыш утенок вдруг спросил:

– Апке знает?

– Нет, – сказал ты и отвернулся.

– Но почему? – удивились Коян и Уку филин.

– У Апке свой путь. Она не пойдет с нами. Она сделала свой выбор. Как вы не понимаете это? – с болью сказал ты и опустил голову.

– Понимаю, – тихо произнес Малыш утенок. – Она строила этот город, создавала страну, задумала и осуществила великую Сферу. Всё это, свершенное ею, не отпускает её. Ей намного тяжелее, чем нам, так как город – её детище. Она привязалась к нему и надеется остановить хаос. Она сделает всё, чтобы предотвратить гибель города. Она несвободна, потому что полюбила эту землю и её народ.

– Но как мы будем без неё? – растерянно спросили Коян и Уку филин. – Что нам делать там без неё? Мы и одного дня не сможем прожить без Апке. Такое возвращение не имеет смысла.

– С нами будет другая Апке, – тихо сказал ты, стараясь не смотреть братьям в глаза.

– Другая? – недоуменно воскликнули Малыш утенок, Коян и Уку филин. Они не понимали тебя. Ты же не хотел им объяснять все подробности. Возвращение домой – это пока только мечта. Пусть они живут этой мечтой, сбросив с себя опасную хандру. Кроме того, у этих стен, наверное, тоже есть уши, а они забыли об этом. И ты решил перевести разговор на другую тему.

Было уже за полночь, когда ты вернулся домой. У ворот сменялся караул. Слышались глухой топот ног, голоса солдат и разводного. Зия готовила ужин на очаге, искры желтого огня одна за другой уносились в небо. Эти звуки и сцены рисовали образ мирного спящего города. Надолго ли этот покой? Пройдет месяц-другой, и здесь будут бушевать другие звуки. В ночи, словно монстр перед прыжком, таился хаос, и вся южная сторона подлунного мира казалась пластающимся телом дракона, его гребнем и уходящим вдаль хвостом.

Апке и Анта

Войска Джурухи тремя корпусами вступали в страну кокборе и борисаров. Бесконечные колонны широкими потоками вытекали из Большого каньона и разливались по великой равнине. Одна колонна сразу повернула направо. Ей был дан приказ перерезать путь четырем туменам кокборе, воз-

главляемым Борей и Кабанбаем, походным маршем шедшим от Малого восточного ущелья. В ней было десять туменов, это был стотысячный отборный корпус утургуров, зойротов и долонов. Два других корпуса, двигаясь параллельными колоннами, направились вглубь страны к кратеру. В этих корпусах насчитывалось по восемьдесят тысяч воинов. Это были проверенные в боях армии. Впереди в арьергарде скакала легкая конница джасаков. Вслед за армиями кургуров и утургуров нескончаемыми караванами двигались обозы снабжения, пылили отары овец, табуны лошадей, стада буйволов и джунгуров, вереницами катили на повозках курени. Наступало, можно сказать, всё население двадцати родов. Это было тотальное и решительное вторжение всеми силами. Это была ставка кургуров и утургуров на всё имеющееся у них. И каждый новый день приближал развязку в давнем споре кургуров и кокборе, он должен был поставить точку в истории их древней распри.

Анта шел к Апке. Высокие травы льнули к его мускулистым ногам, кустарники, словно пораженные мощью статного воина, валились в стороны. Он был уже в тени ближайшего баньяна, когда на него с развилки ствола прыгнул джубарс. Стремителен был прыжок зверя, с неуловимой скоростью повернулся воин, мелькнул в руках кистень, и оглушенный джубарс рухнул на землю.

– Мне тебя учить нечему. Ты всё знаешь, – сказала Апке, когда Анта оказался рядом.

– Пришла пора ввести меня в число телохранителей кахана, – спокойно сказал он.

Его дыхание было ровным, выпуклая грудь поднималась и опадала едва заметно. Он сразил грозного зверя одним ударом, и при этом ни капли пота не появилось на его широком, смуглом лбу, похожем на валун темного песчаника.

Апке молчала, глядя в сторону. Неужели приближается час, когда эти красивейшие парки будут вырублены, а дворцы с летучими очертаниями разрушены до основания? Неужели дело всей её жизни будет развеяно по ветру пеплом? Не уцелеет даже великая Сфера?

Они были одни в парке большого дворца. Утром прошел сильный дождь. От земли поднимались испарения и запахи трав и цветов. Повсюду порхали огромные бабочки, носились, совершая свои мгновенные пируэты и повороты, синекрылые стрекозы. Диковинными голосами перекликались певчие птицы. И лес, слушая эту музыку жизни, то и дело вздрагивал под порывами ветра, стряхивая на землю капли воды.

– Зачем ты это делаешь? – спросила Апке, глядя на деревья. И Анта понял её. Его синие глаза налились недоброй тяжестью.

– Эта земля была нашей, – сказал он и повел ручищей, обозначая окрестности. – Кокборе кочевали вдоль великой реки, не покушаясь на пастбища наших родов. На месте этого большого шара высился гигантский утес, а внутри горы, в пещере, покоился прах наших предков – вождей и первых царей. Эта гора с могильником внутри была священным местом для кургуров и утургуров. Два раза в год, летом в день солнцеворота и зимой в день солнцестояния все роды, носящие имя Синей волчицы, собирались здесь, чтобы отдать дань памяти славных предков. Здесь в течение веков совершались неизменные и великие ритуалы, которые напоминали нам, что мы – сыновья Синей волчицы. Здесь мы вновь обретали память и единство, поэтому эта долина называлась Отукен. Каждый кургур и утургур мечтал в итоге жизненного пути быть погребенным на этой земле, если не в самой усыпальнице в горе Отукена. Возвращаясь на свои пастбища и кочевья, мы увозили отсюда само-

родный металл для наших мечей. Но вот появляются дьяволы из-за реки со своим изрыгающим огонь оружием, они соблазняют красивыми речами и дарами кокборе, пленяют их души и делают своими рабами. Они приходят сюда и на могилах наших отцов и дедов строят проклятый город. Они осмеливаются на страшное, неслыханное деяние – глумление над усыпальницей вождей в священной горе. Люди-дьяволы сбрасывают кости аруахов на землю. Так с пылью и прахом смешиваются почитаемые кости предков, народ обращается в рабство, захватываются лучшие луга и пастбища. А самое страшное: кокборе и борисары теряют память о своем родстве с нами и поднимают оружие против нас. Они перестали быть сыновьями Синей волчицы и превращаются в выроdkов. Скажи, как мы должны были отреагировать на это? Ведь люди-дьяволы отняли у нас всё, разрушили устои, покусились на самую душу кургуров и утургуров.

Пораженная Апке молчала. Она задумывалась об этих вещах, но не понимала их глубинную суть. Выходит, Анта и его народ намерены вернуть события на круги своя. В этом заключается замысел их грандиозного предприятия, и они не отступят. В этом походе они либо победят, либо погибнут сами, другого не дано. Самое тягостное для нее заключается в том, что это она предопределила эти роковые события, когда двадцать лет назад с отрядом зардара ступила на эту землю и начала преобразование края. Она считала эти места первозданными и дикими. Она считала себя носителем высокой миссии. Как она ошибалась! Оказывается, долина была сердцем целого мира и средоточием духовной жизни древнего народа. Правда заключается в том, что пришельцы выступили варварами и жестокими завоевателями, разрушителями основ жизни. А они в слепой гордыне считали низменными, грубыми варварами туземцев. Значит, аборигены вернулись на родину и требуют свое, законное. Что ни говори, война с их стороны справедлива и честна. Но ведь кокборе, и вслед за ними борисары, приняли законы новой жизни. Быть может, Джуруха не понимает, что время старины безвозвратно кануло в прошлое?

Они углублялись в лес. Деревья в гуще парка стояли живой, величественной стеной, густая и свежая тень от их крон вся трепетала и звучала от стрекота цикад, трелей птиц и лягушек. Высокие развесистые стебли и листья папоротника, клонясь во все стороны, создавали еще более густой полумрак, который манил прохладой. У леса был проникающий голос, но сейчас она не слышала его. Одно только пульсировало в голове: как убедить его?

– Разве плохо то, что мы создали? – спросила она у Анты, идущего через заросли.

– Плохо не то, что вы создали, а то, какими становятся люди, живущие здесь. Потомки Синей волчицы во множестве стали рабами, хотя считают себя воинами. Они не видят истины. Другие обнаружили склонность к роскоши, услаждениям. Они жаждут всё больших богатств, их вождение к красивым вещам и женщинам неумеренно. Они попирают права бывших братьев по кочевьям. Другие пресмыкаются перед ними ради куска хлеба и тарелки супа. Чиновники и служащие продают честь и гордость за сомнительные знаки и привилегии. Еще хуже те, кто взял в руки кнуты и с нечеловеческой жестокостью творит насилие над трудягами в каменоломнях и рудниках. По кварталам и улицам города, словно шакалы, шныряют соглядатаи и сыщики, они готовы донести на любого за жалкую подачку. Эти хуже всех. Их даже людьми назвать нельзя. Души кокборе и борисаров разлагаются, демоны взяли верх над ними. В кварталах разврата их дочери продаются за деньги. Такого никогда не было.

Кто-то предаётся развлечениям, кто-то занимается скопидомством и ростовщичеством, другие пресмыкаются, словно черви в стоках. Твой кахан созерцает с высоты трона, как подвизаются подчиненные, и упивается. Он поощряет любого подонка, лишь бы поддержал его власть. Толпятся подхалимы вокруг престола и воют осанну приторными голосами. Невозможно смотреть на это. Скорое вырождение – удел сынов Синеи волчицы. Грязный вертеп создали вы, а не великий город. И всё потому, что духи предков прокляли вас, когда вы нарушили покой умерших царей и вождей. Они проклянут и нас, если мы будем трусливо мириться с произволом пришельцев.

– Но посмотри на соседей, Купольную и Желтую империи. Многие века назад они прошли то, что ты назвал гниением и вырождением. А сейчас это великие, единые народы, устремленные к звездам других миров. Ваш народ сильно задержался в прошлом. Вы должны переболеть всеми болезнями роста и пойти вперед, – резко сказала Апке, остановившись.

– Не вам решать за нас! – отрубил Анта. Двухметровый исполин возвышался над ней словно гора. – Свою судьбу должны решать мы, а не пришельцы. Иначе чужие болезни станут нашими, а чужие боги станут злыми духами для нас. Рабство – плохая болезнь. Плох тот, кто начинает свою историю с рабства, – бас Анты был похож на рык. У него были крепкие белые зубы, без единой щербинки.

Апке думала о чем-то, глядя на землю.

– Не всё так плохо, как кажется, – сказала она наконец. – Мы спасли останки ваших славных предков. Они покоятся в специальных сосудах в подвалах малого дворца. Некогда я приказала затушить костры и положить кости в хумы. Золотые панцири и маски, к сожалению, не вернешь, они были подарены императору.

Анта был поражен, он глянул удивленно.

– Вы, пришельцы, странные люди. Ваши слова словно змеи, скользят, извиваются. Как вам поверить после того, что вы сделали.

– Я могу тебе показать их, – спокойно сказала она, следя за выражением глаз Анты. – Это же просто.

Теперь думал Анта. После минутного молчания он сказал:

– Кости предков должны быть возвращены на место.

– И это остановит войну? – тотчас спросила Апке.

– Нет! – крикнул Анта. – Слишком поздно. Вторжение не остановить!

– Я поняла, – медленно сказала Апке. – Двум каханам в одной стране не бывать. В этом и вся причина. Должен воцариться один кахан.

Анта нахмурился, стиснув зубы. По его широкому скуластому лицу пробежали всполохи подавленного гнева.

– Старые атай говорили, что войну племен может остановить только великая жертва. И такой жертвой может быть царствующий вождь. Если его кости будут положены в усыпальницу рядом с останками прежних вождей, война может быть прекращена, – жестким тоном сказал Анта. – А это означает: либо Джуруха, либо кахан.

– Если те самые кости будут положены рядом с останками древних вождей, война будет остановлена? – спросила Апке глухим голосом. Она смотрела прямо перед собой, и вечер вливался рекой в ее зрачки.

– Не знаю, – сумрачно ответил Анта.

С тропических акаций сыпались сухие лепестки. Разросшийся парк казался бесконечными джунглями. Уйти бы ей на восток, за горизонт, не останавли-

ваясь и не оглядываясь назад. Однако она не может этого сделать. На полпути её остановит охотничий домик, потом позовет дом Майи, окруженный зарослями сирени, жасмина, липами и акациями, а затем повлекут с неодолимой силой дворцы. Но самая крепкая, нерасторжимая связь у нее с великой Сферой. С нее всё началось, и ею всё завершится. И она сама до конца не поняла, в чем сила этой привязанности. Вся ее жизнь теперь вращается вокруг исполинской Сферы, шепот камня слышит она каждую ночь и видит призрака в образе безмолвного бледного подростка. Какая сила заставила её руками тысяч и тысяч рабов воздвигнуть этот храм? Множество людей погибло на стройке, кровью и потом пропитана, наверное, каждая жилка, каждый атом камня. Для нее Сфера – нечто живое, она словно имеет иррациональную волю, которая столько лет довлекла над душой Апке, диктуя мысли и чувства.

Уже в сумерках они вошли в охотничий домик. Анта вновь уселся на пол, скрестив ноги. Громадный, неподвижный, он сидел, каменея, словно идол из темно-серого песчаника. И опять они смотрели друг другу в глаза. И невыразимый трепет рекой струился в глубину ее души, унося сознание в бездонность, в пучину, в немыслимое. И прежде чем исчезнуть в пустоте, она подумала: «Я введу его в охрану зардара. Пусть всё будет в руках Провидения».

«Апке, не уходи! Апке, не поднимайся по лестнице роковой, гибельной!» – сказал детский голос. Сон покинул Апке. Она рывком поднялась и пошла к выходу. Её служительницы последовали за ней, но Апке знаком остановила их. Она была в темной накидке, и когда вышла на улицу, оказалась почти невидимой во тьме для сторонних глаз. Это была глухая и безглазая, слепая ночь. Быть может, такой мрак царит только в забытых вековых подземельях. Словно призрак, несомый ветром не этого мира, пронзала она темноту улиц, переулков, площадей. Но вот блеснула луна, и силуэты ночного города выявились неясно под плывущими тучами. А затем она увидела тушу исполинской Сферы. В сумраке она казалась просто необъятной и неохватной даже для взгляда. Лунный отсвет лужами света растекался по сводам гигантской Сферы, и Апке на мгновение зажмурилась. Так явственно показалось ей, что колоссальный свод навис над ней, ощутимо плывя, кренясь, угрожая раздавить ее как муху. Она перевела дыхание, и когда чувство ориентации восстановилось, открыла глаза. Колосс был на месте, однако несметная масса камня всё равно производила жуткое впечатление. Это была вся тяжесть мира, собранная в гранитной Сфере. Чудилось, даже земле больно от этого непомерного веса, и она скрипит, хрустит, крошится под тяжестью в миллиарды тонн, собранной в пяточке небольшой подошвы. Апке по-настоящему было страшно. Она впервые была рядом со Сферой в поздний ночной час.

У входа в подземелье Апке остановилась, оглянувшись назад. Старик огня сидел на своем помосте, и даже ночью было видно, что его духовный стоицизм движим против колосса. Тело старика словно светилось накалом упорства против тьмы нависшего исполина. И тогда Апке, нажав на тайный замочный камень, скользнула в открывшийся проход. Она зажгла светильник и направилась по коридору к ступеням лестничного марша. Помнится, здесь высился некогда громадный утес. Вождь, несколько человек из свиты, она и проводник вошли в тайный проход. Это был извилистый пещерный ход, холодный, обдуваемый сквозняком, мрачный, словно нора питона. Сопровождаемые проводником, они несколько часов взбирались по уступам, ступеням, выбитым в породе, ведущим вверх, пока не оказались в главной камере – усыпальнице. Узкий ход был усыпан пометом дикобразов и их иглами. В боковых нишах и

углублениях слышалось даже шипение и ворчание этих опасных животных. Туземцы почитали дикобразов этой пещеры и считали их хранителями священной усыпальницы, носителями душ умерших предков. Так было тогда. Но за двадцать лет горных работ этот ход был преобразован: мастера расширили его, вырубили ступеньки до главного грота, оттуда сделали ступенчатый винтовой подъем до самой вершины великой Сферы. Внешний воздух вливался в проход через небольшое отверстие в куполе колосса, закрытом кованой решеткой, и выходил уже внизу в замаскированные отдушины у входа, это была сквозная вентиляция всего внутреннего устройства Сферы.

Газовый светильник освещал лишь небольшое пятно впереди нее. Разорванный полумрак метался тенями, прядая туда и сюда. Стены коридора и лестничного хода были обработаны грубо, всюду виднелись следы долот. Апке шла медленно, отыскивая на ощупь очередную ступеньку и ставя поднятую ногу наверняка. Много лет назад прошла она по этой утробе, вернее – пробралась. Она была молода и её вели вперед во мрак пещеры безграничное любопытство, жажда открытий. Сильна, слух о золоте кургуров захватил её воображение. Капитан шагал впереди, его нельзя было остановить. Он словно обезумел, рвался вперед, точно барс, завидевший добычу. Она слышала его шумное дыхание, бормотание и ругань. Летучие мыши то и дело пронеслись над их головами, в провалах и боковых ходах скрежетали, шипели, зло рычали дикобразы. Чудилось, все демоны мира собрались в чреве этой горы, чтобы напугать и остановить их. Однако они были вооружены, и как бы ни были измучены долгим подъемом в лабиринте, они ни за что не повернули бы назад. Сама судьба вела их. Лучше бы они тогда не добрались до центрального грота. Лучше бы им никогда не увидеть того золота!

В её ногах уже не было той силы, что годы назад. Апке шла медленно, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Она считала ступеньки. Главный грот находится на уровне двести пятьдесят метров от горизонта земли. На каждый метр приходится по три ступени, всего их семьсот пятьдесят. Какой мучительный подъем! И как долго он длится! Кажется, уже прошла вечность с тех пор, как она вошла в подземелье. Когда триста ступенек были уже позади, вдруг закружилась голова. Пошатнувшись, Апке замерла, ухватившись рукой за выступ стены. Какая опрометчивость с ее стороны, что пошла одна, без внухов! Отдышавшись, она зашагала дальше во тьму. Внезапно она опять замерла, пораженная жутковатым ощущением потери ориентации: ей показалось, что она идет не вверх по маршу, а странным образом вниз. Быть может, она заблудилась в чреве матери-земли и ушла не в том направлении, забредя в боковой ход? Не мстит ли ей Сфера за кровавый и проклятый труд тысяч рабов, за смерть многих из них, в том числе в этой ужасной утробе? Не их ли души жутью пронзают ее сердце, желая оставить ее навсегда в этом лабиринте? Чтобы она, как и они некогда, стала пленницей этой каменной могилы, витая безутешным сгустком под этими бесконечными и мрачными сводами, стеная беззвучно, тоскуя по свету, по забытому солнцу. Воистину кровью и потом, неизбывной мукой пропитаны недра колосса, страданием залиты гроты и ниши, нутро этой горы – море черной боли. И твоя вина в том, что именно ты открыла створы людского страдания. Самое тяжелое для тебя – осознать, что ты виновна в гибели множества людей. С чувством несомненной вины ничего не поделать. Оно только усиливается, и тогда ты захвачена наваждением неуклонного спуска вниз, в самый ад.

Апке, как в бреду, говорила вслух. Безмерные недра камня слушали ее, внимали. Виновна ты в том, что не считала туземцев людьми, равными тебе,

твоим друзьям. Ты считала, что вправе распоряжаться их жизнями, приносить в жертву ради собственных воспаленных грез и фантазий. И отбрасывала мысль о наказании, как слабость, недостойную воина. Ты считала, что в конечном итоге все потери и страдания аборигенов возмещаются сторицей, ведь они получают в наследство обустроенную страну, великий город. И так думала ты, та, которая с детства видела столько горя и бед людей, чьи жизни были принесены в жертву во имя Полигона. Как ты успела так измениться? Что с тобой сделали ушлые спецы в башнях империи? Загипнотизировали? Переделали мозги? Вложили душу другого человека? Отравили сознание наркотиками?

Почему человек начинает думать об Истине, сходя в могилу? И это не велеречивые мысли, а сожаление о содеянном, раскаяние, жгучее, ядовитое пламя, пожирающее сердце. Какими наивными были твои мысли о вечности, когда ты замыслила создать, воплотить в камне её символ! Ведь прежде всего думала ты о себе, о том, что всякий человек, увидевший великую Сферу, вспомнит и произнесет имя Той, которая задумала и осуществила это. Твоё «я» побуждалось гордыней, тщеславием, ты думала, что будешь жить вечно, что небеса благосклонны к тебе, они отведут от тебя кару, ведь ты избранная. Ты была слепой гордячкой, не видела уроков Старого и вечно одинокого, который всегда твердил о значении пустоты. Он говорил, что великое зиждется на пустоте. Ты никогда не понимала этих слов. Они казались тебе изощрением безумной мысли. И теперь внутри каменной массы ты начинаешь понимать, ощущать ускользающий смысл пустоты. Ты воздвигла символ Материи, а не вечности. Символ вечности устроен рядом, на помосте, и его выявил Старик огня. Вот почему он стремился сидеть напротив Сферы. Он говорил людям о тщетности их усилий каждый день, каждую минуту, каменея на своем помосте со скрещенными ногами. Не воздвигайте идолов из камня! Вы идете не туда и не в ту сторону смотрите. Если ты думаешь о вечности, исходя из тщеты своего маленького «я», неизбежно придешь к идолу. И все твои усилия окажутся напрасными. Не семена жизни и добра посеешь ты, а плевелы, прах жгучий, отраву снедающую и пепел. Почему ты плачешь? Почему слезы скользят по твоему лицу, а не лепестки белой сирени или акации? Ты вошла в гору боли, Апке. И пусть твоё сердце вынесет тяжесть этого груза. Каждый человек, умерший в этой шахте или надорвавшийся на склонах Сферы, положил меру свою на чашу твоей боли. Ты впервые открыла, что истинный путь тяжек, ибо это путь бьющегося сердца и кровоточащей души.

Ты всё считала и считала ступеньки. Быть может, ты уже у центра земли, но почему тогда не чувствуешь жара магмы и удушающей вони серы? Кто заблудился в утробе земли? Апке или человек-сурикат, плененный бетонной камеркой, или Странник, до смерти изнуренный, убаюканный шёпотом бункера, или Рыжик, солдат-дезертир, загнанный в погреб магией стрекальных призраков? Это неизвестно, никто не может дать ответ на этот вопрос. Слышала она когда-то, что заточение в глубоких пещерах нередко способствовало освобождению души от оболочек мнимого «эго». Неужели это происходит с ней? Кто же она на самом деле? Девочка-украинка, волей судьбы заброшенная на территорию полигона, круглая сирота, воспитанная стариком-вахтером, или женщина-волчица, восставшая ослепительным солнцем над пеплом сгоревшей шкуры, или воительница, подготовленная в школах спецназа в боевых башнях империи? Кто же она на самом деле? Только кажется ей, что остался от нее только сгусток ощущений, нечто живое, пульсирующее болью и страхом, что её телесные оболочки безжалостно содраны гранитными стенами, изрубленными долота-

ми мастеровых. Жалкая искра осталась от нее, и жаждет она только света и больше ничего. И умоляет о спасении, льет слезы покаяния.

Вдруг порыв прохладного воздуха качнулся навстречу, обнимая ее чистым потоком. Семьсот пятьдесят? Неужели последняя ступенька? Апке замерла с поднятой правой ногой, и когда опустила её на камень, восприятие более или менее восстановилось. Она была у входа в грот. Оказывается, она всё время поднималась вверх, хотя была уверена, что идет вниз, в крошечную тьму. Апке постояла на пороге пещеры, восстанавливая дыхание. Это был огромный грот, края его терялись в сумраке. Рваные стены, выступы, неровности пещеры тоже были обработаны мастерами, обтесаны в форме закругленных сводов. Светильник в руке разливал неверный, тусклый свет. В необъятной камере он казался крохотным, затерянным огоньком свечи. Мрак пещеры был живым, плотным пологом. Он колыхался, то гипнотически приближаясь и навевая страх, то отступая назад и обнажая глубину темного пространства. Это было само безвременье, полог, за которым таилась пустота. Человеческая душа слишком мала, чтобы принять эту безвременную пустоту, её отрешенность, холодную тьму. Апке затаила дыхание. Затем она различила ряд плоских камней, похожих на столы. Их было много. Помнится, на них лежало девяносто девять мумий. И каждая мумия была облачена в шлем, маску, золотой панцирь с наколенниками и накладками. Золота было много, это были груды тяжелого, тускло-красного золота. Капитан едва не обезумел от восторга. Чтобы вынести это золото, понадобилось много дней.

Но сейчас Апке смотрела на постаменты с горьким чувством безвозвратной потери. Вы варварски опустошили усыпальницу, и судьба ополчилась против вас. Ибо в итоге вы пришли к пустоте, черной, адской, лишенной малейшего света. Воистину вы подверглись проклятию духов предков. Как она раскаивается в том проступке! Если бы вернуть прошлое! Она сделала бы иначе: одно тело осталось бы здесь, но кости аруахов были бы целы и лежали на месте.

Лицо Апке было влажным. Она опустилась на колени перед ближним постаментом и сказала дрожащим голосом: «Простите меня... Я поняла, что совершила святотатство. Нет человека, более грешного и запятнанного, чем я... Раскаиваюсь в содеянном. Все кости будут положены на место. Простите меня, ибо в помутнении была я слепой». Мрак выслушал ее мольбу и качнулся назад, будто занавес, сдвигаемый в сторону. Холодея, в ознобе ужаса, она увидела странных существ. Они сидели за самым дальним основанием, похожим на стол. Они щетинились иглами мрака, зелено-ледяным огнем горели их лютые глаза. Они смотрели на нее. Это были дикобразы, и они были огромными. Зеленые огни их глаз вдруг стали длинными, они вытянулись вперед, словно щупальца осьминога, добрались до нее и полностью опутали ее. В морозном онемении, повинувшись нечеловеческой воле этих глаз, она двинулась вперед и медленно легла на каменное ложе.

Это было её место. Изначально она пребывала здесь, покоясь на камне, всё остальное только приснилось ей. Некогда она была царицей племени кокборе, кургуров, утургуров и борисаров. У нее было звучное и гордое имя, полузабытое потомками. Она была несравненной воительницей и благородной царицей. Её считали воплощенной богиней-матерью, которую всегда сопровождала Синяя волчица. В незапамятные, допотопные времена, когда Черный воин космоса еще не появился на Земле, она была самой жизнью и как жизнь пребывала в каждом камне, каждой песчинке, она была движущей

силой в растениях и существах, в любых тварях. Она дала дар жизни всем существам, разлившись в недрах бытия как сила.

Твое тайное имя знали трое стариков, которых ты вела с края выжженной пустыни в самый центр тростниковой долины, где покоился перевернутый баркас, плывущий против течения времени. Они звали тебя этим именем, не подозревая о его значении. Именно это имя упорно искали настырные ученые-крысачи, справедливо полагая, что четыре пустых квадратика на дощечке рядом с камнем Инь-Ян – это места для четырех букв священного имени. В поисках этого имени – кода, приводящего в движение скрытое абсолютное оружие, сбились с ног специалисты-филологи Купольной империи. Они прокрутили на суперкомпьютерах несметное множество комбинаций из четырех букв на пяти тысяч языках, однако ни на йоту не приблизились к истине.

Затем ты увидела темный силуэт в глубине земной коры. Громадной кляксой простирался он в гранитной толще уже недалеко от уранового пояса Восточных гор, был близок он к заветной цели. Он уже знал, где находится его космический корабль. Один из больших кратеров на Земле был образован не астероидом, а упавшим на планету миллионы лет назад галактическим крейсером.

Затем ты увидела, как трое сливаются в одно, и это повторяется три раза. И ты смутно узрела, что происходит при слиянии...

Перед тобой распахнулась огромная долина, залитая солнцем, зеленая, тучная, окаймленная по горизонту горбами невысоких холмов. Стада тарпанов и антилоп в испуге мчались прочь во все стороны от этой котловины. Клубы мутной пыли поднимались с востока и запада. С восточной стороны показались походные колонны большого войска. Развевались на ветру штандарты с оскаленной волчьей головой. Впереди корпусов туда и сюда рыскали легкие, летучие отряды разведки. Внезапно они повернули и во весь опор поскакали назад. Они обнаружили врага, затаившегося на просторах степи в широких и извилистых балках и оврагах. Это была засада. А затем ты увидела полководцев восточного войска. Генералы Боря и Кабанбай выслушивали доклад джасаков. Затем прозвучала команда разворачиваться в боевые порядки. Четыре тумена начали маневрировать, перестраиваясь для боя. Однако усталые солдаты и их офицеры еще не могли осознать масштабов грядущей катастрофы. Они действовали медленно и неохотно, ибо были измучены многодневным переходом в безводной степи. А тем временем враг с запада решил действовать на опережение. Была дана команда выступить пяти туменам, остальные пять остались в засаде, скрытые меж холмами в широких балках. Ты увидела устрашающую картину: бесчисленные отряды всё выезжали и выезжали из оврагов, впадин, лощин, строясь в колонны. Эти воины были сыты и сильны. Они ждали три дня и за это время хорошо отдохнули, привели в порядок коней, оружие. Они рвались в бой. Загрохотали барабаны, завывали рожки, зазвучали команды сотников. И первая лава, сотрясая степь громом тысяч копыт, двинулась в атаку. Другие такие же лавы уже надвигались на восточное войско с флангов. И это было только начало неотвратимого, жестокого разгрома... «Нет!» – сказала ты беззвучно, потом вопль вырвался из твоей груди. Однако парализующая тяжесть держала тебя крепко, огненно-зеленые струи еще теснее обвили тебя.

Ты увидела прошлое и будущее, затем вспыхнул ослепительный свет, и величайшее блаженство золотым половодьем залило тебя, и ты узнала себя

во тьме бытия и небытия. Невероятное и возможное были двумя крыльями одной-единственной бабочки-махаона, летящей в неизвестность. Громадная Сфера пришла в движение и, вращаясь, понеслась в потоке бурлящей воды. На дне высохшей реки стоял в полном недоумении бродяга по имени Жан и ковырял ногой в песке.

Кахан

Сова совсем одряхла, перья и пух обвисали космами, словно волокна ветхой шерсти. Она всё больше сидела на подоконнике, нежели охотилась на несуществующую добычу над призрачным лугом. Перья сыпались с нее, устилая пол, и тебе то и дело приходилось выбрасывать в окно ошметки пуха и желтого оперения. Увядала неясить, старилось, видимо, и само время. Всё хотело прийти к своему закономерному концу. Однако в гуще потока изменений порогом лежал тяжелый валун, и этим камнем был ты, занятый поиском абсолютного оружия.

Странно, почему агенты империи сбились с ног в поисках таинственного кода, до дыр зачитывая страницы Реестра, разыскивая особенно Шестую книгу? Неужели это самое оружие существует? Тебе не верилось в это, скорее всего, оружие – мистификация. Однако император не станет тратить время и ресурсы на поиски мифа. Он кое-что знает и действует наверняка. Если оружие существует, оно бы очень пригодилось тебе, правителю этой страны, охваченной войной. Ты бы в два счета разгромил войска Джурухи и показал бы, где раки зимуют, обоим императорам. Не только показал, но и дал бы им пинка, так что они кубарем покатались бы с высоты двухсотого этажа. Ты усмехнулся, шагая туда и сюда по изумрудно-яркому ковру. Хотя на самом деле тебе было не до смеха. Ты получил сообщение, что четыре корпуса кокборе были окружены в котловине Золотого Эмеля и полностью разгромлены. Остатки кокборе сдались и вошли в армию Джурухи. Генералы Боря и Кабанбай были пленены. Несколько дней назад ты узнал, что твоя армия, занимавшая рубежи в центре страны, прикрывавшая с юга мирные курени кокборе, тоже потерпела поражение. Пять туменов кокборе были расчленены, они в беспорядке отступали к столице государства. Еще неделя-другая, и корпуса Джурухи окажутся возле ворот кратера, а потом и стен города. Но ты не хотел унывать. Твоим генералам, атаким кокборе и борисаров еще не доводилось видеть тебя в плохом настроении. Напротив, ты выглядел волевым, собранным, на военных советах намекал, что приготовил сюрприз Джурухе, и это особое оружие, подвластное только пришельцам. Оно настолько мощное и невообразимо ужасное, что врагам не поздоровится, сколько бы их ни было. Приведи Джуруха миллион солдат – всё равно они будут сметены огнем этого небывалого оружия.

Генералы и вожди верили тебе, соглашались с тобой во всем. Еще бы, твой авторитет поддерживала легенда о великом Орле, о его чудовищном крике. Самые умные из генералов уповали на поддержку Купольной империи, они считали, что в решающую минуту вооруженные до зубов союзники из-за реки придут на помощь. Верные тебе люди распространяли по стране слухи о союзе с Купольной империей, о секретном оружии, которое будет применено для победы над Джурухой.

Оружие, конечно, имелось, и оно было надежно укрыто в подвалах большого дворца. Ты знал, что без колебаний применишь его, хотя ясно, что при

этом погибнут десятки тысяч, если не сотни, вражеских солдат. Туча раскаленных пуль тридцатого калибра, пущенных со сверхзвуковой скоростью, за минуты раскромсает конные лавы Джурухи. Четыре вертолетных пулемета справятся со своей задачей в считанные минуты. К черту раздумья и сомнения! Джуруха – вероломный захватчик. Он нарушил покой мирной страны кокборе и борисаров. Народ и история оправдают кахана, ибо он применил оружие, защищая население своей страны. Пусть сожалеет нападающая сторона! А солдаты – это песок и прах, они рождаются во множестве и уходят немереными массами. Кто горюет по песку и камню? Но еще лучше, если бы абсолютное оружие оказалось в твоих руках. Ты бы прижал под ноготь обоих императоров, они не посмели бы и пикнуть после тотального разгрома Джурухи. А судя по всему, Желтый император тайно поддерживает кургуров и утургуров. Более тщательная разведка и данные агентов Купольной империи показали, что захват Джурухой земли зойротов и долонов в пограничной зоне восточной империи – не более чем инсценировка. Командование Желтой империи сделало вид, что победоносный Джуруха и умелый Сай Чуй просто смели их пограничные войска, чтобы захватить плацдарм. На самом деле им просто дали сделать это. Не зря долоны и зойроты тысячами оказались в армии Джурухи. Зардар понял, что Желтый император позволил войскам Джурухи пройти до Большого западного каньона, при этом позаботился и о том, чтобы его ни в чем не заподозрили, мол, он ни при чем. Между тем его вассал Джуруха уже близок к тому, чтобы полностью покорить страну кокборе и борисаров. Посмотрим, что это даст Желтому императору. Конечно, полный контроль над огромной территорией с неограниченными ресурсами, над поставками зарядных кристаллов и астероидного металла. Рудники кратера будут в его руках. Но самая главная интрига заключается даже не в этом.

Поразительная догадка вдруг ошеломила тебя. Ты остановился. Вот где зарыта собака! Несколько дней назад ты приказал начальнику разведки помочь геологам с приборами спуститься в расщелину на дне рудника, чтобы они провели более тщательное исследование обнаруженного астероида. Результаты исследования ученых в виде доклада в строгой секретности были доставлены тебе. Они были более чем странными. Оказалось, что на глубине пятисот метров под дном кратера покоится не астероид, а некий технологический объект с непонятными знаками и символами по поверхности. Черный металл, из которого была сделана оболочка сферы, не поддавался никаким инструментам. Не удалось отколоть не только кроху этого металла, но и отделить даже молекулу вещества брони. После трех дней безуспешных попыток минералогии прекратили работу и поднялись из разлома. В их выводах была еще одна любопытная деталь: скорее всего, объект состоит из того же вещества, что и загадочная черная башня за рекой в центре Купольной империи.

Если предположить, что Желтый император каким-то образом узнал об объекте под дном кратера, тогда становится понятной подноготная всех его действий. Во что бы то ни стало нужно ему завладеть объектом, опередив при этом Купольную империю запада. Хитрый восточный лис действует при этом руками кургуров и утургуров, деля вид, что он ни при чём.

Ты опять возбужденно зашагал по ковру. Вот в чем загвоздка! А ты гадал, ломал голову, почему это боевые платформы Купольной империи облетели рудник? Слепой щенок же ты! Тебе надо еще учиться и учиться премудрости. Выходит, император запада тоже знал о тайне кратера. Но откуда? Как они пронюхали об этом секрете? Неужели из книги Малыша утенка? Значит, они нашли дешифровщика, который сумел прочесть абракадабру Старого и веч-

но одинокого! Но почему император не дал знать об этом тебе? Почему он хранил молчание и велел создать все условия для Апке, неусыпно следя за ней? При чем тут Апке и ее тайное имя?

Ты вызвал адъютанта и приказал срочно найти Апке. Однако служивый беспомощно развел руками. Он сказал, что евнухи Апке с ног сбились в поисках своей госпожи. Её нет вот уже три дня.

– Три дня? – удивился ты.

– Трое суток, – нерешительно уточнил адъютант.

– Чем занимались люди, которые должны были следить за каждым её шагом? Спали? Начальника разведки ко мне!

Явился заспанный начальник разведки. Похоже, в этом сонном мире все только и делают, что спят! Полковник подтвердил слова адъютанта. Ты в ярости взглянул на него. Судя по всему, ситуация начинала выходить из-под контроля. Если службы империи узнают об исчезновении Апке, в страну набегут сотни ищеек, они облазят каждый угол, станут вынюхивать, искать самое затаенное. А это тебе совсем не нужно. Ты остановился, глядя на сову. Птица-сова призрачно витала в полете, слабо колышась в воздухе. Она словно подсказала тебе нужное решение.

– Освободить Тайбалу из-под ареста! Следить за каждым его шагом. Он приведет нас к Апке, – сказал ты жестким голосом.

Перед уходом полковник озабоченно сообщил, что с той стороны реки прибыл отряд, который должен заменить погибший экспедиционный корпус. Пятьсот вояк, по виду препротивных существ, скорее всего, мутанты. Они были похожи на здоровенных крыс, заросших густым волосом, облаченных в черную форму и яловые сапоги. Ты согласно кивнул головой, хотя на душе кошки скребли. Все-таки прислал император своих ищеек. Надо полагать, самых ушлых, дотошных и настойчивых. Они будут шнырять по всем закоулкам города, собирая слухи, вынюхивая секреты. Император уже не доверяет тебе, и это ясно. Нужно действовать на опережение.

Вслед за полковником в протяженный белый коридор вышел и ты. Вдоль стен, отливающих мрамором, вытянувшись по стойке «смирно», стояли твои телохранители. Пятьдесят верзил, по двадцать пять вдоль каждой стены. Еще пятьдесят отдыхают в караульном помещении, через три часа они придут на смену товарищам, стоящим на посту. Они изодрены в премудростях тактики настолько, что ухитряются выспаться на посту, стоя навытяжку, ни разу не моргнув глазом.

На днях среди телохранителей ты заметил того самого, дочерна смуглого, синеглазого великана, которого видел на лесах. Ты шел по ковровой дорожке, искоса наблюдая за стражей. Возле синеглазого крепыша замедлил шаг. Исполин стоял расслабленно, но в его позе чувствовалась скрытая мощь, готовая распрямиться пущенной стальной пружиной. Похоже, этот воин неплохо натренирован. У него совершенно бодрый, бдительный вид. В случае чего он станет твоей гюрзой, нет, королевской коброй, злой, стремительной в атаке, плюющей смертельным ядом. Что ж, неплохое приобретение. Всё же надо проверить и этого кургура. Тебе чертик из шкатулки ни к чему.

Старик огня, ваятель, дервиш

Лето было в полном разгаре. Оно цвело как свежий лотос, и уже осыпалось лепестками оно. Вещие журавли знали это, они предвидели осень. Пти-

цы-странники улетели с тростникового озера. А было это так. Длинноногие птицы кружились в прощальном танце на берегу озера, в грациозных прыжках и пируэтах махали крыльями, запрокидывали хохлатые головки, курлыкали гортанными, томительными голосами. Потом всей стаей кинулись бежать по берегу, всё так же горестно крича, сильно хлопая крыльями. И наконец взмыли в воздух. Стая несколько минут описывала круги над озером, поднимаясь всё выше и выше. И вскоре взяла направление на юг, тая, исчезая в синеве.

Все пространственные существа чувствуют бег времени. Тростниковое озеро тосковало, не хотело расставаться с птицами. Оно волновалось, плескалось, порывалось вверх, гнало в стороны длинно-перистую рябь, словно силясь оторвать крылья от водной глади. Высокие тростники тоже не хотели оставаться в кратере, изнывая желанием улететь. Они качались, трепетали, звали ветер, умоляя поднять в полет журавлиный, несметный, поющий. Ей-ей, ты готов был поклясться, что некоторые тростники оторвались-таки от земли, высокие, тонкие, темные, похожие на загорелых мальчиков и девочек, неслись они по ветру, мотая вихрами и косами. К их веренице присоединялись всё новые и новые толпы растений, вскоре вся озерная куга ходила ходуном, прядая туда и сюда, шатаясь отчаянно-шумным пьяным сборищем. Глухой, протяжный стон ветра всё усиливался, захлестывая оком свистом, шорохом летящего песка и крошева.

В отлете журавлей был явный знак тебе, и должен был ты понять это. Должен слышать дервиш голос *внутреннего*, чтобы внять зову. Должен он отряхнуть прах и пыль этого мира, сбросить с плеч ношу, расправить крылья. Идти по пути – означает понимать время. Обретает тот, у кого есть полет долгий над мирами. Когда приходит срок возвращения, томятся небо и земля, а озеро, вскормившее и взлелеявшее тебя, курлычет, бьет крылами, разбегается и летит. Коке, благословенно возвращение на родину!

Ты бежал, летел, и ты сидел на помосте своем, занимаясь жаром внутреннего, сильного, долгого огня. Огонь есть сила претворения, он съедает цепи, плавит, расслабляет звенья вековые, черные, накаляет их до малинового цвета, гнет и ломает их. Ты охвачен пламенем всеожжения, муть и тьма тысячелетнего заточения, рабства у материи есть только уголь и дрова для этого жара, и когда грянет час – пламя поднимется зарей. И вот оно пляшет, струится яро, сине над углями гудящими, клубками катающегося истового пекла.

Ты выполнил последнее поручение Апке: вырубил, выточил из корневищ пустынных деревьев гомункулов, химер, нечеловеческих отродий, всё больше мальцов с невообразимыми уродствами. Здесь были девочка-паук, мальчик с хоботом слоненка, ребенок с одним глазом на лбу, девчурка с головой филина, сорванец с огромным животом и короткими, разлапистыми ногами и множество других с ужасными, порой неопикуемыми уродствами. Работа была не из легких, да и сил прежних в руках высохших не было. Но ты не забыл о таволге, и она окончательно не распрощалась с тобой. Много дней пришлось провести в степи, бродя по руслам высохших рек и арыков, где по обрывам торчали корни таволги, туранги, джиды, карагача. Найдя подходящее корневище, ты тщательно обкапывал его, очищая от грунта и песка, потом выпиливал ножовкой. Найденную древесину вязал бечевой, взгромоздив на спину, тащил домой. Было тяжело и больно плечам, но ты упорно вырезал, обтачивал, стругал изделия, освобождая из древесных недр спящих существ, пока твое жилище не заполнилось диковинными творениями. Вскоре загадочные гомункулы лежали повсюду в твоей камерке, цепляясь за ноги вывернутыми конечностями. Чтобы не захламляли зря жилище, многих из них ты отдал детям соседей, но химеры

всё прибывали и прибывали. Вскоре в каждом доме в квартале каменщиков и водоносов можно было найти ту или иную куклу – дело твоих рук. Наконец ты расставил их под склонами Сферы в своем доме, а у входа в подземелье установил фигурку Апке. Казалось, всё было готово...

Тайбала

Хаос проник в город и затаился тенями в углах, подземельях, во всех скрытых, мрачных местах. И зардар уже ощущал его присутствие. Однако он был бессилён против жалящих токов предчувствия. Он нервно метался в своих огромных покоях, вдруг садился на коня и мчался со свитой осматривать городские стены, укрепления в каньонах кратера. По разу в день спускался в подземелье большого дворца, что-то там проверяя и о чем-то советуясь с мастерами-оружейниками. Люди уже начали перешептываться о неизбежной беде, все признаки говорили об этом. Неожиданно среди лета священные черные журавли улетели на юг. Многие верили, что в них живут духи умерших вождей кургуров и утургуров. Отлет журавлей напугал суеверных туземцев, жителей города. Однако, словно этого было мало, стали исчезать вороны, галки, сойки, скворцы – постоянные обитатели этих мест. И это вселяло тревогу в души людей. Слово подтверждая мрачное ожидание жителей, распространился слух о жестоком поражении армии кахана в центре страны. Стало понятно, что враг приближается и осада города неизбежна. Люди толпами кинулись скупать самые необходимые продукты и делать припасы. С прилавков лавок и дукунов мигом исчезли мука, спички, крупа, соль. В этом не было ничего удивительного, с каких-то пор караваны торговцев перестали приходить в город, постоянные дворы были пусты. Подобно воронам и галкам, куда-то канули купцы, поставки продуктов прекратились. Вечера и ночи в зловещих сумерках затаившегося города были страшны, люди старались не выходить из своих домов и укрытий. Лишь ночной дозор глухо вышагивал по брусчаткам улиц и площадей, перекликались дозорные на башнях и стенах города, мигали костры на далеких гребнях кратера.

Непонятым и жутким предзнаменованием обернулось падение деревьев. Двадцатилетние тополя, кипарисы, высаженные некогда вдоль улиц и площадей, поднявшиеся стройными рядами, без причины стали обрушиваться один за другим, выворачиваясь из земли с корнями. Какая сила валила их, поражая невидимыми топорами смерти – это было непонятно. Грохот падающих деревьев вселял в души испуганных людей еще больший страх перед надвигающейся катастрофой. Комендант приказал срочно сформировать отряды рабочих для вывоза упавших деревьев за пределы города. Одновременно был издан указ о незамедлительном аресте паникеров и распространителей провокационных слухов. В указе говорилось о скором суде и жестокой казни предателей и дезертиров по законам военного времени. Однако как судить и казнить падающие деревья? Ведь они тоже были своего рода беглецами и предателями.

Караул, выставленный перед воротами твоего дома, был снят, и твоя пайца была возвращена тебе. Ты мог свободно передвигаться по городу, посещать службы. Ты так и делал, однако чувствовал, что за тобой следят. Слежка была искусной, но ты всё равно ее обнаружил и сделал вид, что не ведаешь о ней. Куда бы ты ни направился, за тобой скрытно следовали загадочные, крысopodobные существа, закутанные в накидки. Они часто маски-

ровались в торговцев, солдат, рабочих, прохожих, но ты неизменно узнавал их по согбенным фигурам и волосато-зверским мордам.

Подготовка к бегству шла полным ходом. Исправная тележка с высокими колесами, железными осями нашлась во дворе отца Зии. Тебе не пришлось за нее платить, торговаться с владельцем. Водонос сразу же отдал её тебе. Правда, пришлось сделать новые оглобли, длиннее и прочнее прежних, и это от того, что твой джунагр был уж очень крупным. Малыш утенок, Коян, Уку филин тоже были готовы к походу. Все свои вещи они сложили в специально сшитые рюкзаки. Коян и Филин продолжали дряхлеть, и в их старении угадывалось что-то темное, пугающее, схожее с отлетом птиц и падением деревьев. Нужно было спешить. Однако Малыш утенок, Коян, Уку филин хотели встретиться с Апке. Они надеялись уговорить её покинуть город. Поэтому ты упорно искал Апке, однако нигде не мог найти ее. Ты обыскал все парки, заглянул в срубное строение, охотничий домик, обошел все помещения малого дворца. Апке нигде не было. В большой, серебряный и изумрудный дворец доступа не было. Интуиция тебе подсказывала, что её там не найти. И твой взгляд однажды остановился на великой Сфере. Где Апке, что с ней?

Прошло еще несколько дней. Однажды с многоголосым криком сотников, фырканием коней, ревом джунагров, топотом копыт, скрипом обозных телег в долину вошли отступающие войска кокборе и борисаров. Они шли через главные ворота кратера несколько дней, и вскоре вся котловина заpestрела шатрами, палатками, юртами. Ты понял, что покинуть кратер через главные ворота не удастся. Боря и Кабанбай так и не появились. Ты слышал об их пленении, но в душе теплилась надежда, что это не так, что твои братья-генералы на свободе. Однако прошла еще неделя, а их всё не было. Но зато ты был счастлив услышать, что нашлась Апке. По слухам, однажды вечером некий старик-дервиш привел её домой. В лихорадке, в бреде горячки Апке слегла в постель. К ней никого не допускали. У её постели дежурили евнухи, личная охрана кахана, бред Апке тщательно записывался и изучался агентами. Всё же ты не терял надежды пробраться в покои Апке и поговорить с ней. Это последнее из дел, которые нужно было сделать тебе. А потом джунагр вывезет из города телегу с беглецами и, петляя среди множества шатров, кибиток, палаток, направится к восточным воротам кратера. Там тоже сильные караулы, но ты знаешь одного сотника из охраны ворот, с которым можно договориться. Значит, путь ваш лежит на восток.

Однажды вечером, после ужина, когда Зия постелила тебе и, как всегда, готовилась ускользнуть за полог, ты подозвал её. Она села на колени напротив тебя и несмело подняла глаза. Лицо её было наполовину скрыто платком, однако тихий свет её иссиня-черных глаз бросил твою душу в смятение. И ты молил бога, чтобы она поняла тебя и приняла твой выбор. Ты боялся даже думать о том, что она может отказать тебе. Но как обойтись без неё, как жить, не слыша её мелодичного голоса, похожего на звон серебряного колокольчика, шелеста её платья, не видя её ловкой, гибкой фигурки, сноровисто снующей по дому, без тепла её рук, оживляющих массажем твое израненное тело? Без Апке, тем более без Зии, жизнь в черном лесу Зоны, в пустынных, гниющих бараках, может показаться смертельным заточением. Зия, танцовщица, мастерица на все руки, умеющая своими тонкими пальцами творить чудеса, превращать в ароматную еду даже скудные остатки зерна и сухого хлеба, может придать смысл и оправдание вашему бегству в Зону. Веселый, смелый, умелый человек может своим присутствием преобразить даже убо-

гую пустыню. Нет, без неё поход не имеет смысла. Он будет безрадостным движением навстречу смерти.

Ты сел на колени, и Зия поняла, что это приглашение к ритуалу. Черные звезды блеснули в глубине кургурских очей, и она с улыбкой глянула на тебя. Сияющий взгляд манил, вовлекал в сближение душ, поощряя тебя. И особенный, проникновенный свет зрачков погружал тебя в неопишное блаженство. Не было ничего глубже этого слияния, где витали только тьма немыслимой нежности и слёзы немой исповеди. Вы смотрели и понимали, что созданы друг для друга, что небеса, земля и звезды вращались миллиарды лет, чтобы вы встретились и обрели себя. Невыразимая теплота ласкового взгляда, и обещание, и сказанное не словами, а чернотой зрачков, излучающих безмолвное: «Я твоя, ты же – мой».

Пойдет ли она безоглядно с тобой на край света, оставив дом, престарелых родителей, родину, всё привычное для себя? Не побоятся ли связать свою жизнь с чужаком, пришельцем? Не прошло и года с тех пор, как ты выкупил её у сборщиков налогов, но ведь этого срока мало, чтобы она привыкла к тебе! Тебе и в голову не приходило сосватать её, обручиться по местным обычаям. Совестливые степные девушки придают большое значение родовым ритуалам, своим связям с сородичами. Конечно, надо всё это учесть и принять меры. И теперь ты понимаешь, что не можешь покинуть город без Зии. Как же глубоко вошла она в твою душу!

Ты откашлялся, чтобы прочистить горло. Колдовская сила долгого взгляда Зии едва не отравила тебя в ступор. Не забыть бы о главном.

– Я готовлюсь к дороге, – сказал ты хриплым голосом.

– Я вижу это, – тихо ответила она.

– На этот раз поход будет долгим, – добавил ты и замолчал.

– Зия будет ждать своего господина, сколько бы ни пришлось, – грустно улыбнулась она.

– Ты не поняла, – замялся ты. – Этому городу не суждено жить. Скоро здесь начнется ад. Мы должны вместе покинуть город. Понимаешь, вместе, ты и я. Мы уедем далеко, чтобы начать новую жизнь.

Она долго молчала, и в её глазах искрились слёзы... или смех?.. Тебе стало не по себе. Неужели она смеется над тобой? Быть может, она считает тебя дезертиром, трусом, готовым бежать с поля боя? Поймет ли она, что значит для него требование Бори и Кабанбая, старших братьев? Это же сильнее любого приказа. Они хотят, чтобы Тайбала спас Малыша утенка, Уку филина и Кояна. Зия же не знает про братьев Тайбалы. Надо было ей всё рассказать.

Внезапно Зия выпрямилась, всё так же сидя на коленях, строго взглянула на Тайбалу, помолчала, прислушиваясь к чему-то внутри себя, затем тихо сказала:

– Девушки кургуров не мыслят жизнь без своего господина. Следовать за мужем, пусть даже в могилу, для них веление судьбы.

– Спасибо, душа моя, – еле выдавил ты. Ты был ошеломлен. Она назвала тебя мужем, значит, она всё для себя решила. Ты не видел этого и не догадался о её выборе. Слепой же ты!

Апке и Анта

Кто ты и как тебя зовут? Вечность не хотела отпускать тебя, она положила тебя на базальтовое ложе и, упокоив мертвенным оцепенением, сосала

твою память, ища что-то особенное, сокровенное. И ты лежала, каменела, рушилась крошевом, осыпалась атомами небытия. Самое *ничто* осыпалось в тебе, это веяние всего и вся было невероятным блаженством, ибо было оно небытием, чем-то таким, самой глубиной, пучиной, где недра бесконечно роились, клубились, перетворялись в изначальной пустоте, и этим превращениям не было ни конца ни края, как не было ни капельки тревоги, ни тени заботы. Самое время было просто искоркой чувства, которое носили туда и сюда могучие волны вскипающего блаженства, катящиеся из бесконечности, чтобы кануть в бездонности. Ощущение то возникало, то исчезало в океане особого пребывания, которому не было никакого названия. Так длилось безвременно. А потом тьма отпустила тебя, и ты поняла, что ты царица древних племен, сыновей Синей волчицы. Ты почилла на камне вечности, в самом центре священной горы. Ты – первая в династии царей народа волчицы. И у тебя есть имя, которое не смеют произносить люди. За давностью веков они забыли его, но помнили и знали трое стариков, слепцов, которых ты вела через выжженную пустыню к баркасу переправы. Они позвали тебя, и ты повела их через миры. Но как ты очутилась здесь, на этой богатой постели?

Ты подняла руку, поманила кого-то и бежала, уменьшаясь ростом, скользя к порогу времени, туда, где стояли твои родители, отец и мать, синеглазые, веселые, молодые медики. Ты бежала и плакала, хотела остановить их, чтобы они не уезжали в далекую степь кургуров и утургуров, где очкарик с свинцовыми глазами один огораживал просторы двумя рядами колючей проволоки, и всё улыбался и скалился, а из его ногтей сыпались города и годы, но всё больше гомункулы, уроды и калеки, мертвецы и ужасные отродья. А потом вспыхнуло солнце светлого будущего, и родители исчезли в ослепительной вспышке золотых зубов зловещего очкарика, растаяли, словно восковые фигуры, но зато народился Старый и вечно одинокий. Его скорбь была безмерна, ибо он никак не мог понять, как же так получилось, что не успел родиться, как тут же состарился, обветшал, обдуваемый ветрами Колымы и лаем свирепых овчарок. В полном недоумении по поводу превратности судьбы, не им задуманной, а прихотями башковитых ученых крыс, принялся он писать, изводить чернила и перья, чтобы найти ту самую первую букву, с которой всё началось, затеялось мировое безумие. В свободное время воспитывал приемную дочь, тебя, приглядывался к другим малышам приюта, соображая, как бы своровать их, чтобы затерялись они не в поле, не в лесу, а на страницах его желтых, снулых сочинений, похожих на заросли черных, волчьих тростников.

Наверное, он всё-таки своровал вас семерых, и вы затерялись в его бредовых фантазиях, где было много войны и оружия, потому что дальше помнится бесконечная война с крысами и пауками, тараканами и скорпионами, муравьями и термитами. Проклиная войну и двуликое светлое будущее, тем не менее он приучил вас к войне и задумал ваше будущее как солдатское, сермяжное, шинельное.

Вечность припала к твоей груди и сосала твою память, была она совой-неясытью и всё время повторяла: «Не я сыта! Не я сыта!» Поистине ненасытной была она, мать пустынь и солончаков. В облике ужасного Сыча, громового Филина она гнала тебя через сны-червоточины Кояна, и ты пробежала через чуланы, казармы, карцеры Рыжика, солдата-дезертира, пока не оказалась в доме человека-суриката. Ты тянула руку, молила о воде, жажда томила тебя, рвала, терзала иссушенное горло, и ты шла по бредовому, несметному лесу, шагая за Странником, чтобы опередить ушлых федератов, выслеживающих

Суриката. Пальмы пели пряными голосами, исторгал пещерный рев властелин джугарных вершин – ревун. В жару ты металась в постели, умоляла дать пить, и ты же танцевала менуэт в сверкающих залах имперской башни, и упительная музыка уносила тебя то ли в будущее, то ли в прошлое, изнемогающее от тяжести времени. Печальная джубезьяна, лемур окаянный, хотел напоить тебя соком свиристелей и светоплескалок, он нес лотос голубой и всё показывал что-то, изображая нечто четырьмя пальцами. Но ты уже летела в небесах, ибо была просто птицей, фламинго, простершим крылья над океаном, и был с тобой дорогой, незабвенный Маа, он показывал путь, ибо умел летать за пределами движения. Возмущенная кознями ученых-крыс и изворотливых шпионов-тараканов, но больше уклонистской стратегией Странника, ты поднялась по лесенке башни, восстала ослепительным столбом водородной бомбы, взорванной над слепыми степями, сном малышей кургурских, даже не зачатых еще, но уже плачущих и поющих чернилами, и сделала первый шаг. И всё вокруг, даже тростники, камыши, куга, ахнуло и побежало, на бегу трансформируясь в толпу кукурузных мальчишек и девчонок, мотающих рыжими космами и косами, веселых, отчаянных сорванцов, сорвиголов волчьего дикого поля. А серая сова всё вилась, парила над призрачным лугом и повторяла плачущим голосом: «Не я сыта! Не я сыта!»

«Сколько можно!» – крикнула ты и очнулась от бреда. Ты была в своей комнате, в своей постели. Напротив, скрестив ноги, сидел на ковре в позе покоя исполин Анта. Был ли человек он или дэв из страшных снов, или великое дерево из муссонного леса, или валун гранитный, перегородивший поток видений, – ты этого не знала. Так же ты не знала, где это происходит, в охотничьем домике или в твоих покоях, или на краю поля неизбежной битвы? «Воды!» – прошептала ты, и он показал на серебряный ковш на столике рядом с твоим изголовьем. Был Анта спокоен, его смуглая кожа отливала благородным эбеном. Он казался изваянием из черного дерева.

Сколько же он сидел рядом, пока ты металась в лихорадке? И он всё видел? Ты почувствовала, как запылали щеки. Возможно, он призрак, и его нечего стыдиться? Затем ты увидела, как шевелятся губы Анты, и услышала его бормотание. Он произносил какую-то молитву на кургурском языке, и странная мелодия лилась лопотанием ручья.

Внезапно ты всё вспомнила, мгновение ясности было похоже на блеск молнии.

– Мои братья в плену. Прикажи отпустить их! – сказала ты, силясь подняться и сесть.

– Генералы Боря и Кабанбай? – переспросил Анта.

– Да! Они дороги мне.

– Но эти боевые генералы стоят целого войска. Почему я должен отпустить их? – спросил Анта, хмуро глядя на неё.

– Они больше не будут сражаться с тобой, – сказала ты и опять опустила голову на подушку.

Сколько раз это происходило, и в каком межвремении ты застряла? Надо вспомнить главное из того, что открылось тебе в гробнице.

– Эти генералы повинны в гибели множества мужей из кургуров и утургуров. Их духи жаждут отмщения, – сурово сказал Анта.

– Еще больше погибнет, если ты не отпустишь их, – настаивала ты, борясь с наступающей тьмой.

– Ты знаешь про это? – изогнул брови Анта.

Его спокойствие казалось холодом вечерних скал, молча уходящих в тени.

– Да, – помолчав, сказала ты. – Я знаю, что могут погибнуть все твои воины, весь твой народ, сколько бы ты не привел сюда. Я в силах помешать этому.

Анта долго думал, мрак за его спиной ощутимо сгущался.

– Пришельцы весьма хитры и способны на дьявольские проделки. Я слышал про какое-то особое оружие зардара. Он неоднократно упоминал его, успокаивая своих генералов. Он говорил, что это невероятно мощное и ужасное оружие, способное искрошить многотысячное войско за пару минут. Думая, что такое оружие действительно существует, я в одежде солдата сдался в плен, чтобы попасть сюда и выведать секрет кахана. Ему и его окружению и в голову не пришло, что враг может оказаться в самой их гуще. Моя цель заключалась в том, чтобы самому разведать это и продумать действия, исходя из факта наличия оружия, – вслух размышлял Анта. – Теперь и ты говоришь, что оно у командующего есть. Значит, так оно и есть. Но самое главное мое открытие заключалось в том, что я увидел, что он готов применить его.

– Он готов убить сотни тысяч кургугов и утургугов. Он и глазом не моргнет, – воскликнула Апке и, рывком приподнявшись, села.

– Но ведь ты не хочешь гибели моего народа? – спросил Анта и глянул ей прямо в глаза.

Тебе показалось, что гул его голоса вошел тебе прямо в мозг. Несколько минут вы смотрели друг другу в глаза, всё между вами происходило так же, как и в охотничьем доме.

– Я пришел еще и потому, что хотел взглянуть на тебя, Ту, которая всё знает. Мои люди в городе говорили о тебе, что ты другая, нежели нелюди из-за реки, что ты жалеешь кургугов и утургугов, – задумчиво произнес он, и тебе почудилось, что это было произнесено немо, только силой взгляда.

Ты собиралась с мыслями. Может быть, ты бредишь в горячке, а Анта – только призрак? Он сказал, что пришел еще и потому, что хотел увидеть тебя? Неужели? Навстречу тысячам угроз, опасности погибнуть в любую минуту? Что он хотел найти в тебе и что увидел? Будет ли у вас возможность поговорить об этом наедине, лицом к лицу?

– Я не хочу гибели славных кургугов и утургугов, желала бы мира между ними и кокборе, борисарами. Я надеюсь на то, что вся эта страна, этот город и все его богатства будут равно принадлежать четырем племенам, сыновьям Синеи волчицы. Надо остановить бессмысленный разгул смерти! Пусть дворцы и великий храм будут сохранены, чтобы служить всем людям. Но за это прошу освободить моих братьев, Борю и Кабанбая! – взволнованно сказала ты.

– Генералы будут отпущены с миром, – сказал мрачно Анта. Сила его густого объемного баса поражала.

– Помогу остановить оружие, – подумав, сказала Апке.

– Кости предков должны быть положены на место, и первыми – кости царя! – угрюмо потребовал он.

– Царь ляжет на свое законное ложе, – тихо сказала Апке и посмотрела в сторону.

– Город, дворцы и великая Сфера будут стоять нерушимо! – словно колокол, прогудел голос Анты.

– Да будет мир между сыновьями Матери-волчицы! – сказала Апке, понимая, что заключается договор.

– Да поможет тебе само Небо! – сказал Анта и молитвенно сложил ладони.

Апке и кахан

С тяжким грохотом завалился большой баньян в самом центре парка золотого дворца, и ты вздрогнула. Не обрушился ли небосвод, не разверзлась ли самая земля? Ты подошла к окну и выглянула. Произошло необычное: рухнул баньян, воздушные корни которого целым лесом спускались с кроны на землю вокруг основного ствола. Такое дерево не должно было упасть, его не свалил бы самый сильный шторм, самый мощный ураган. Но это произошло, значит, сама природа чувствует приближение катастрофы и говорит об этом своими знаками? Вместе с тем в парке совсем неожиданно и не вовремя расцвели кусты миндаля. Миндаль был высажен большой рощей рядом с малым дворцом, и теперь изрядное пространство напоминало зимний лесок, занесенный пушистым свежим снегом. Лилейный, проникновенный аромат веял через открытую створку окна, он звал тебя наружу, приглашал прогуляться по возвращенной весне, чтобы порадоваться чисто-белой, благоуханной красоте цветков, лепестков, пронизанных тончайшими розово-карминовыми прожилками. Кусты миндаля напоминали толпу принаряженных девушек-невест в венчальных платьях, накрахмаленных, лучащихся снежной белизной, источающих аромат молодости и счастья. Ах, лукавые, прелестные подружки, вы нарядились в чарующие одеяния и выстроились на лугу, чтобы в последний раз взглянуть на вашу повелительницу и попрощаться с ней. Быть может, и вы, подобно черным журавлям, готовитесь к полету, чтобы оставить грешную, поруганную землю, чтобы унести ее в небеса на далекую родину?

Апке набросила на себя накидку, и, невзирая на уговоры евнухов, вышла во двор дворца. Густой и одновременно нежный аромат окружил её облаком, маня всё дальше и дальше вглубь парка. Апке подошла к кустам, заволоченным не только ослепительной, кружевной бахромой, но и ярым жужжанием несметного количества пчел, шмелей и ос. Как были рады насекомые! Этот народ получил сказочное богатство – море нектара посреди лета, когда никакого цвета не должно было быть. Пчелы упивались божественной сладостью, неустанно носили нектар в свои кладовые. Пряное жужжание сытых насекомых, головокружительное благоухание цветов, шевеление бело-розовых крон, похожих на живые облака, веяние живительного воздуха, перекачивающегося сияющими волнами – всё это было даром леса своей повелительнице, посеявшей и взрастившей эти сады, и прощанием с ней. Кто сможет лучше сказать о любви и незабвенности, чем цветущий куст миндаля?

Но сад еще не сказал своего последнего слова. И ты ждала его. И вот первый лепесток крохотным парусом, лоскутком разорванного письма полетел в воздухе, закружился в белом танце деревьев и ветра, и ты ясно услышала дивную музыку. Потом еще один лепесток сорвался и закувыркался, трогая сердце, уносясь в прошлое. Потом целая стая крахмально-розовых мотыльков залопотала крыльями, веером закачалась в воздухе, обметая лицо тончайшей кисеей аромата. И ты улынулась, открыв душу светосвиристам и светоплескалкам. Пусть летят через душу в свое прошлое, пусть витают и кувыркаются обрывки времени, пусть вместе с ними летит в немыслимое душа твоя! Живи легко, умей отстранять привязанности так же естественно, как эти лепестки. Нет ничего вечного, есть только мгновение, чья глубина пронзительна. И дышала глубь прохладой, улыбалось пространство, приседали учтиво и уносились в фигурах бального менюэта цветущие кусты миндаля. А ты всё шла и шла, трогая цветки, лепестки, похожие на раскрасневшиеся

щеки крохотных младенцев, порхающих и жужжащих прозрачными крылышками. И еще долго звучала музыка, не желая отпустить ноющее сердце.

Ты вернулась во дворец счастливая и заплаканная. Тебя ждал кахан. Он был мрачен как дождевая туча. Из его слов ты поняла, что неожиданным мощным штурмом войска Джурухи взяли главные ворота кратера. «Вероломно применили взрывчатку! Запрещенное оружие!» – повторял и повторял кахан, расхаживая туда и сюда по комнате. Над его плечом витала призрачная сова, едва шевеля маховыми перьями крыльев. Ты даже моргнула и потеряла глаза, но призрак птицы не исчез. Что за наваждение?

– Они нарушили договор двух империй и использовали динамит, взорвав огромные и полностью обитые железом ворота. Эти ворота нельзя было взять приступом, никакой таран не помог бы. Но взрывчатка – другое дело. Теперь мои руки развязаны. Я имею право применить секретное оружие! – грозил кулаком пространству кахан. Он был в шлеме, золоченом панцире, поверх которого была наброшена черная накидка. Хром его сапог нервно поскрипывал, словно вторя словам командующего. У входа в покои стояли два телохранителя, один из них был Анта.

– Что с нашими войсками в котловине? – спросила Апке. Она была даже невозмутима, ибо ожидала подобный ход событий.

– Большая часть армии не успела войти в город и отступила к восточным воротам кратера. Кажется, больших потерь нет. Они теперь укрепляются на склонах восточного гребня и в каньонах.

– Какие тумены успели войти в город? – спросила Апке.

– Всего два наших тумена, да и то недавно сформированные из рабов кургуров и утургуров. Слабые, ненадежные части! – небрежно махнул рукой зардар, думая о чем-то своем.

Апке посмотрела на Анту. Телохранитель был совершенно невозмутим, и только глубь темно-синих глаз омрачилась минутной тенью.

– Надо собрать военный совет. И срочно! – сказала Апке.

– Какой совет? Ха-ха-ха! – кахан остановился и насмешливо глянул на неё. – Жирные и трусливые шакалы – атай и генералы кокборе и борисаров, они тотчас покинули город и ушли в свои курени на восток. С нами остались только начальники штаба и разведки, да еще пришельцы из-за реки – жадные шакалы. Эти крысы, сам слышал, переговаривались с боевой платформой империи. Они уберутся в последнюю очередь, прибрав к рукам мою казну. Сейчас они шныряют по всем углам, выискивают, где моя кладовая.

– Надо немедленно просить помощи у Купольной империи. Не теряя ни минуты, – предложила Апке. – У нас же договор с империей, а мы верно служили ей.

– Я уже обратился, – угрюмо сказал кахан. – Мне посоветовали собрать все силы и дать отпор. Якобы, ты же кахан, и у тебя еще есть армия. Император выжидает, быть может, ведет переговоры с Желтой державой или ищет замену мне. Он способен на это.

– Вы боитесь за свою жизнь, ваше превосходительство? – спросила Апке.

– Коварству императора нет предела. Эти черные крысы шныряют повсюду. Если они уберут меня, повод для войны с Джурухой формально будет устранен. И император может начать переговоры с Джурухой. Скорее всего, он так и сделает. Он просто купит этого вояку-дикаря, – рассуждал кахан, снова начав расхаживать. Видимо, он привык к таким мыслям и сейчас излагал наболевшее, то, что мучило его душу последние дни.

Апке опять посмотрела на Анту. У того был совершенно хладнокровный, отрешенный вид. Но этот исполин больше напоминал анаконду, готовую к завершающему броску.

– Он купит варвара с потрохами. Скажет, что даст деньги, ресурсы, подчинит ему все племена, отдаст город, крепость, лишь бы Джуруха поставлял ему металлы и кристаллы. Этот старый торгаш умеет уговаривать и выкручивать руки. Если дело не пойдет, он продемонстрирует мощь своего оружия, – продолжал размышлять кахан. – Поэтому я не верю этому вралю. Нужно действовать на опережение. Я приказал установить мое секретное оружие на башнях города. Военные рабочие и мастера уже выполняют мой приказ. Джуруха вынудил меня к этому. Он спровоцировал меня, первым нарушив договор о неприменении огненного оружия. Теперь я делаю ответный ход. И он Джурухе не понравится.

Командующий делал большие шаги и размахивал правой рукой, словно грозя кулаком. Он был полностью захвачен темным трансом боевого настроя. Лицо его было словно окутано серой дымкой.

– Но ваше оружие убьет сотни тысяч людей, – слабо возразила Апке, следя за метаниями кахана.

– И поделом! – злобно закричал тот, замерев в полуобороте. – Кто просил их врваться в мой город, в мою страну? Это мои владения! Мои, признанные соседними державами, многими странами мира. Мои полномочия кахана были также признаны. Кто такой Джуруха, этот самозванец? Кто толкнул его начать наступление? В обороне любое оружие дозволено. Если враг ворвался в твой дом и начал насилие, его можно бить любым подвернувшимся оружием. Если ты это не сделаешь, ты просто безмозглый идиот, а не правитель. Я ни на минуту не задумаюсь, отдам приказ стрелять на поражение. Это решено!

Апке молчала. Она еще раз переглянулась с Антой. Всё было понятно, они предвидели такой ход событий.

– Кстати, у меня вопрос к тебе, – кахан шагнул к Апке и гневно впери в нее свой взгляд. У него были дымчато-серые волчьи глаза, озаренные изнутри злобой. – Я не спрашиваю у тебя, где ты была последнюю неделю. Хотя мы обыскались, перевернули весь город. Некогда проводить следствие и выяснять это. Я хочу серьезно спросить тебя о твоём секрете. Дело в том, что император приказал следить за каждым твоим шагом, сверяя с Шестой книгой Малыша утенка. Разведка империи убеждена, что ты владеешь кодом абсолютного оружия. Что это за код и что за абсолютное оружие? Или кто-то заморочил нам голову? Почему ученые крысы так допытывались этого секрета у тебя? Мы знаем об этом. Или это фантазии, белиберда мозгляков – ученых? Если такое оружие есть, оно мне сейчас позарез нужно.

– Для чего? – спросила Апке. – Или вам мало вашего оружия?

– Ты не понимаешь! – ощерился в ухмылке кахан. – Я-то применю мое оружие, разорву на части Джуруху и его армию. Но потом заявятся с вопросом сразу две механизированные армии Желтой и Купольной империй. Придется отвечать за применение оружия массового уничтожения. А если у меня в руках будет бомба, вакуумная или атомная, они не посмеют. Они будут говорить со мной уважительно и даже примут меня в свой клуб. Или я дам им пинка под их жирные задницы!

– Вот оно что! – воскликнула Апке.

«Ах!» – она вдруг слабо опустилась на пол. Смертельная белизна разлилась по её лицу. «Обморок! У нее обморок!» – закричал зардар. Прибежали евнухи, уложили Апке в постель. Кахан вынужден был покинуть покои Апке.

Апке и Тайбала

Отряды стражников дозором обходили город. Протяжные крики пронзали ночную темень. Время от времени мрак затаившегося города сотрясало падение того или иного дерева. То и дело с шумом рушились и брошенные дома бежавших из города кокборе. В их дворах, подобно крысам, копошились мародеры. Разрушение и хаос надвигались на столицу кахана, оставляемую даже его приближенными и подчиненными. В темноте всё-таки город жил, и его скрытым движением было бегство знати кокборе и борисаров, которые тайными ходами и лазейками пробирались за пределы крепости, чтобы затеряться в ночной степи. Порядок и дисциплину поддерживали лишь леги из двадцатитысячного корпуса кургуров и утургуров. Но станут ли они сражаться с сородичами, чьи несметные колонны готовятся к штурму стен?

В полночь с гребней кратера налетел холодный ветер и принялся срывать, сдирать лепестки с цветущих кустов миндаля. Вскоре порыв усилился, перейдя в шквал, сопровождаемый постоянным грохотом падающих стволов. Обрывки туч мчались по небу, то затмевая луну, то вновь обнажая ее, и тогда ливень летящих лепестков смутным пологом открывался взору. Шорох, шелест листвы, треск ломающихся ветвей слились в протяжный гул, черный, необъятный, идущий словно из-под земли. От древесного гула и жуткого воя зверей парка стыла кровь в жилах людей. Канонада падающих стволов набирала силу. Тем не менее в бурлящей ночной мути группы солдат и мастеровых продолжали свою суетливую перебежку от большого дворца к башням крепости и обратно, они неустанно таскали ящики с патронами. Глухо и надрывно, словно джужягур, со свистом обдираясь среди оголенных ветвей и сучков парка, выл ветер. Сноровисто сновали туда и сюда, упорно возились люди, поднимая боеприпасы на башни, туда, где на платформах были установлены многоствольные пулеметы, похожие на огромных хищных насекомых.

Апке затосковала и, не в силах справиться с печалью, вышла в парк. От дневного великолепия миндальных кустов ничего не осталось. Удерживая накидку, которая, отчаянно трепыхаясь на ветру, рвалась с тела, Апке смотрела на оголенные черные кусты. Шальные порывы ветра с треском метались по ореховой роще, шатая деревья, мотая кроны туда и сюда. Почему твоя жизнь так сложилась? Почему с малых лет каждый твой шаг сопровождали война, жестокость и насилие? Почему рок и судьба так ополчились против тебя? В чем твоя личная вина, что мирная жизнь в окружении братьев оказалась невозможной? Ты рано потеряла родителей, их заменил старик-вахтер, но и он прожил недолго, оставив вас круглыми сиротами. Потом появился Странник, он заронил любовь в ваших сердцах. Вы были готовы принять его как родного отца, но он скользнул в вашей судьбе, словно летучая тень. Всё, что было потом, это походы и разведка, тренировочные лагеря, война с её жестокостью, раны, озлобленность, страдания, усилия держать в узде туземцев, гибель невинных людей. Почему тебе не была дана судьба обычной женщины, тихое счастье жены-домохозяйки, плывущей сквозь время на челне семейного мира и любви домочадцев? Почему, коке? Ты создавала эти парки, сады, дворцы, чтобы насладиться красотой, но теперь у тебя отнимают даже возможность невинного созерцания. Белый ливень лепестков под последней луной – это прощание сада. Вот и всё, что есть у тебя. Глухой стон ветра и вой диких зверей бушевали потоком, сквозили под сердцем. Это была музыка смерти. И она была даром тебе именно от этой жизни.

Луна катила по чернильно-темному небосводу, приближаясь к краю пропасти. Белесые стены, фронтоны и острые шатровые очертания дворцов, омываемые бедовым, жутким ветром. И нескончаемый стук, скрежет, треск веток, то близкий, то отдаленный грохот рушащихся деревьев. И странное, почти мистическое ощущение, что именно сейчас ты особым образом находишься где-то еще на дне речного каньона, иррациональным образом близкого и бесконечно далекого. Кто-то стоял рядом, за спиной. Ты резко обернулась. Тайбала? Неужели? Да, это был он, тот, кого ты хотела видеть сейчас в минуту невыносимой сердечной боли. Тайке, ты ли это? Ты хотела обнять его. Но он отстранился и что-то пробормотал.

– Что ты сказал?

– Нам надо уходить!

– Куда, Тайке?

– Домой!

– Домой? Но разве мы не дома?

– Наш дом в Зоне. Я побывал там, разведал дорогу. Всё цело там, бараки, печка, сарай, бочки с топливом, даже наши игрушки на местах.

– Неужели? Как ты смог сделать это?

– По приказу зардара. Надо было найти Шестую книгу Малыша.

– И ты нашел её.

– Да.

– Где она?

– У нас, спрятана.

– Ты читал её?

– Да.

– Всю?

– Не успел. Осталось немного.

– Там есть имя, особое? Его все ищут.

Тайбала с тревогой оглянулся по сторонам. Ему показалось, что в кустах кто-то прячется.

– Это имя знаешь только ты и еще...

– Кто еще?

– Трое.

– Кто трое?

– Скажу, если ты пойдешь с нами.

– Кто еще хочет домой?

– Малыш утенок, Коян, Уку филин. Они уже наготове, вещи сложены, повозка стоит у ворот моего дома.

– Боря и Кабанбай? Где они? Почему их нет с тобой?

Тайбала молчал. Или она не расслышала из-за воя ветра?

– Тайке, найди Борю и Кабанбая. Приведи их через день к большой Сфере. Пусть придут туда и Малыш утенок, Уку филин, Коян.

– Почему туда? Что будет там? У нас нет времени. Надо уходить отсюда, – так и вскинулся Тайбала. В его глазах кипели слезы отчаяния. «Тайке, какой ты высокий, красивый, стройный. Как тополек! Нет, олень. С иссиня-черными глазами лани, чутко настроженной, готовой, чуть что, унести прыжками во тьму, в дикие дали. Тайке, почему тебя не было так долго?»

– Но вы же хотите домой?

– Да!

– Так придите к Сфере. Я вас проведу.

– Куда?

- Домой.
- Что ты говоришь, Апке?
- Ты не понимаешь, Тайке, и все остальные. Там увидишь. Тайке, успокойся. Тайке, найди братьев. Всех приведи. Пусть придут те трое.
- Кто еще?
- Старик огня, ваятель и дервиш. Всех найди и приведи.
- Апке, мне страшно за тебя.
- Тайке, не бойся. Мы все возвращаемся домой, другой дороги нет.
- Я тебя не понимаю!
- Иди, Тайке! Иди!

Уже под утро во внезапной тишине ты провалилась в сон. И сон был светлый, осиянный, легкий и блаженный. Во сне Старый и вечно одинокий нес тебя на спине. Он шел по утреннему лугу, мокрому от росы. Согбенная спина старика была теплой, влажной. А луг парил туманом, молочно-белым, пушистым, прохладным. Он слегка касался твоих щек и манил куда-то вдаль, туда, где за околицей черной стеной начинался лес. Белый медленный туман плыл вдоль бараков и таял у леса, тихо сквозя меж веток. Травы были мокрыми, сверкали росой и щекотали сквозь плетенки голые ноги. Было раннее утро. Мальчишки спали в своих кроватках, старик позвал тебя, потом подсадил на спину и понес. Что он хотел показать? Сырой, призрачно-туманный луг казался продолжением сна. А во сне, остатки которого витали в девчоночьей голове, улыбались лица родителей и таяли. Они приходили по ночам и уходили с рассветом. Отец и мать, молодые, красивые, смеющиеся. Они всегда приходили в твоих снах. Они всегда были молодыми. И память о них была прежде всего этим лугом и спиной старика, дышащего натужно, с хрипом и клокотанием в груди. «Атай, куда мы идем?» – сонно спрашивала ты, прильнув к спине, такой теплой, мерно дышащей. «Потерпи, дочурка. Скоро придем», – говорила спина, и ты опять соскальзывала в сон, туда, где поезд, стуча стальными колесами, мчался в обратном направлении, возвращая города и годы, а также украинскую хату с плетнем, желтыми, солнечно-дощатыми полами, сверкающей посудой. Она, неумеха, пытаюсь помочь матери, роняла и била пиалки чуть ли не каждый день, а потом играла во дворе с цветными осколками. Луг плыл мимо, ему тоже что-то снилось, наверное, сны перепелок, которые всю ночь томительно-тонкими голосами звали деток и супругов к очагу, гнезду родному. Бедный луг, он ничего не знал, кроме птиц, коров и быков, он хотел стать человеком, не подозревая, что тот мечтает вернуться на луг детства, первую обитель счастья.

Но вот, кажется, пришли. Старик ссаживает тебя на землю, и холод трав ошеломляет тебя взрывом ощущений. Ты смеешься, схватившись за железные прутья оградки. А они еще холоднее, и еще черные, ржавые. За оградкой темные железные конусы расширением вниз. Их два, по одному на каждый земляной бугор, заросший травой и полевыми цветами. На конусах мутные фотографии, размытые дождем и временем, едва можно различить лица, мужское и женское. Кажется, они улыбаются. «Атай, кто это? И что это за холмики?» – «Дочурка, это твои родители». – «Нет, это не они! Мои живые, молодые, веселые, и они каждую ночь приходят ко мне». – «Дочурка, сегодня день поминовения твоих родителей. Прошел год с тех пор, как они легли сюда». – «Как легли?» – «Ты не знаешь. Придет время, и ты сама все поймешь. Только не забывай это место, хорошо?» – «Хорошо, атай, я никогда не забуду это место. Никогда!»

Ты очнулась, вернее, тебя словно выбросило из этого видения. Подушка, влажная от слез, пахла не лугом, тем более не спиной доброго старика. Она пахла лицом, ноздрями, сопением Малыша утенка. Знакомый запах увлек тебя, и ты оказалась на поле, широком, ярком, простертом в синеву. Впереди бежали подростки, Боря, Кабанбай, Тайбала, семенили Уку филин и Коян, ты отстала от них, потому что несла на спине в рюкзаке Малыша утенка. Это время тоже было благословенным, обласканным солнцем, преданностью братьев и любовью Старого и вечно одинокого. Вы подрастали на чистом свежем воздухе, сами ухаживали за коровой, теленком и овечками, выращивали в огороде огурцы, помидоры, морковь. В свободное время ходили в поход к строениям далекой фермы за полем и силосной башней. Пока мальчишки воровали жмых из незапертого склада, вы с Малышом давали концерт во дворе фермы, а у колхозников были вялые, квелые лица. Они полагали, что видят самый курьезный сон в своей жизни. И нисколько не ошибались, ибо трудно отличить грезу от жизни. Отличает только боль. На спине в старом рюкзаке ты несла Малыша утенка, того укачивало, и когда вы останавливались на отдых, вытаскивала из мешка дитя и долго разглядывала тихо сопящего малыша. Мало-помалу между вами возникла тесная связь, она была проникновенной, крепкой, не менее глубокой, чем привязанность матери и ребенка. Малыш лънул к тебе, и ночью, когда он хныкал от боли в животе, ты просыпалась, чтобы покачать колыбельку и успокоить плачущего. И тот детский плач, хныканье, запах ребячьего пота, слюни и сопение словно навечно въелись в твою память неистребимым, глубочайшим женским инстинктом. Вынянчив Малыша утенка, Кояна, Уку филина, ты словно подняла, выпестовала большую многодетную семью, и в твое подсознание вошла усталость, утомление от извечного женского, материнского долга. Наверное, поэтому тебе потом уже не хотелось замуж, какая-то сила удерживала от случайных связей с мужчинами. Много лет тревожило твое сердце чистое, омытое солнцем чувство к Тайбале. Это была нежность и трепетное сочувствие к человеку-олению, крылатому существу, рожденному для бега наяву и полетов во сне. Ты всегда заботилась о нем и старалась понять его душу. Чтобы лучше представить ощущения Тайбалы, бегущего по открытым просторам, оказываясь в поле, ты неизменно взбиралась по лесенке на самый верх силосной башни. Малыш утенок сильно боялся, у него даже пучило живот от страха. Но, привязав его к спине, ты храбро лезла вверх. И какие виды открывались оттуда! Черно-синие горбы далекого леса на западе, темная зелень степи на юге, скалистые хребты волчьих гор на востоке и разливы осинового, березовых колков на севере – всё это мерцало и уплывало бескрайней, безбрежной рекой времени. Захватывало дух, кружило голову. Ветер рвал платье на твоих коленках, щекотал кожу, звал в полет. И, ей-ей, были моменты, когда была ты готова прыгнуть в объятия воздушного потока, чтобы унесло тебя в упоении бурлящего неба. Что же останавливало тебя тогда? Хныканье малыша и умоляющие взгляды Кояна и Уку филина. Их взгляды кричали, нет, умоляли: «Апке, не уходи! Апке, не поднимайся по лестнице роковой, губительной!» Как ты любила эти походы! Вы возвращались домой с желанной добычей – плитками жмыха, парой-другой свинцовых аккумуляторных болтов, подобранных на свалке. А на лице играла улыбка, в душе незримо переливалась музыка. Эти вылазки делали вас сильнее, они сплывали вас, превращая в подобие боевого отряда. Потом начались драки с мальчишками и девчонками из деревень, которые хотели владеть свалкой и силосной башней. Однако и это сейчас вспоминается с ностальгией. Всё-таки это было счастье, трудное,

пронизанное тоской по родителям, заволоченное тревогой, но счастье яркого детства, подаренного Старым и вечно одиноким. Где-то он ждет тебя? На каком повороте полевой дороги?

Ты опять очнулась, оторвала голову от влажной подушки. Ветер стих, таинственная тишина воцарилась над городом. Помнится, в далеком детстве, там, в барачном городке, ты страдала лунатизмом. Смутно грезится что-то из тех ощущений, призрачных, совершенно нереальных, словно подсмотренных через щель в двери заколдованного чулана. Девочка в ночном платье идет по гребню забора, и всё под босыми ее ногами и раскинутыми руками плывет в сизой дымке ночи: светящаяся трава, длинные тени, приплюснутые дома, косые стены, ребристый сруб колодца, лунами белеющие доньшки перевернутых ведер, течет всё это разливом и несет её легко, невесомо, туманно. Вот-вот шагнет она в пустоту и пойдет по воздуху, оставив гребень забора, чтобы перейти в другой сон. Она и была уверена, что эти видения – обрывки снов, пока Старый и вечно одинокий однажды не снял её с ограждения и не принес, разбудив, домой. Оказывается, она ушла далеко, ступала уже по плетням других дворов. Вот чудеса!

Ваятель

Все заказанные Апке гомункулы, уродцы и химеры были вырезаны, обточены и отшлифованы, аккуратно расставлены под боками малой Сферы. Огромная и многодневная работа была завершена. Теперь ты мог отдышаться и оглядеться в собственном доме. Вот это да! Оказывается, ты толком и не знал, что есть в твоём убогом жилище. У восточной стены под окном, затянутым бычьим пузырем, стоял косой стол, на нем покоилась чернильница из мутного стекла, лежала жестяная писаница и стопка желтых, покоробленных бумаг, изготовленных из макулатуры. Ты покачал головой, увидев первый лист с корявым, спотыкливым почерком: «Словно курица лапой начеркала!» На полу повсюду валялись разные предметы, странные, причудливые, словно из далеких времен. Ты увидел цифровую дощечку, рядом с которой, опрокинутый, лежал ящичек с иллюминатором, стозевный жестяной рупор, очки, обтянутые пыльной резиной, зеленый бачок с гофрированными боками, сморчок короткобрюхий и многое другое, чему названия ты не знал и определить затруднялся. Чертыхаясь, отпихивая ногой эти загадочные предметы, ты подошел к выходу и увидел в правом углу пола деревянный люк. Рядом был аккуратно поставлен кусок дерна с верхними слоями из старой кошмы, этот кусок соответствовал размерам люка. Значит, под полом твоего жилища находится потайной ход, и ты не знал об этом? Ты приподнял люк, и на тебя мрачно глянул зев подземелья, дохнул затхлым, древним воздухом затерянного во времени укрытия. Металлическая лесенка была черной, ржавой, затянутой паутиной. Ты спустился в подземелье, сделал несколько шагов, постоял, раздумывая. Оказывается, ты забыл светильник, а без него в кромешной тьме идти было нельзя. Вдруг ты провалишься в бездонную дыру, откуда выхода нет? Хватит блуждать в потемках! С этой вполне разумной мыслью ты выбрался из хода, прикрыл люк. До чего же всё странно! Вроде бы, когда ты спускался в лабиринт, было позднее утро, а сейчас, когда минуту погодя, вылез из него, оказалось, что на дворе еще предрассветные сумерки. Солнце еще даже не всходило.

Удивленный этими несообразностями, ты вышел во двор. Предутренний туман стлался над городом, прикрыв пологом дома, улицы, даже купол боль-

шой Сферы. Очертания дворцов едва виднелись в этом тихом, сером, грустном разливе. Мир то ли спал, то ли только зачинался формами в этом провальном-рыхлом вселенском тумане. Холодноватое облако казалось испарениями влажного, обширного луга – сизой опушки черного, дремучего леса, привыкшего кутаться в болотные дымы. В такие мерклые, призрачные часы лесного утра хорошо раздеться и с разбегу кинуться в воды сомнамбулического пруда с квелыми лотосами и лягушками, сидящими со скрещенными лапками в мудре осеннего покоя. И хохотать, орать во всё горло в счастливом шоке от холода воды и силы жизни. Однако никакого пруда здесь не было. Напротив, в тумане чернели остовы полусгнивших сырых барачков с обвалившимися крышами. Над ними витали нетопыри, на стрехах сидели ушастые филины и зычно гоготали, зыркая выжжено-желтыми глазами. Откуда взялись эти халупки? Одна, другая, третья. Третья была вполне сносной, окруженной дощатым забором, над ней острым углом возвышался журавель срубного колодца. Видать, здесь кто-то живет, но как мог оказаться дом рядом с малым дворцом кахана? А потом ты затаил дыхание, потому что увидел невероятное. По верху забора, медленно, сонно переставляя босые ноги, шла девчужка в белом ночном платье. Ее лицо, отрешенно-белое, неподвижное, было словно затушевано мелом, а движения – лунатически плавными, даже нежными. Девчонка словно плыла в сумрачном воздухе, проявляясь из своих вневременных грез и распространяя гипнотическое влияние. Вот она прошла поверх забора и ступила на шаткий плетень соседнего двора. И тогда ты побежал к ней, прорвался сквозь туман и осторожно, стараясь не дышать, снял девочку с ивового ограждения, понес обратно домой. Серая сойка, то и дело заглядывая тебе в глаза, всполошено летела рядом. Что хотела бедовая птица – разбудить заблудшую человечью дочь или предостеречь от безумного сна?

Но ведь твоё настоящее может оказаться давним прошлым или зыбким будущим другого существа. Как вернуться в явь и выбраться из лабиринта снов *того, кто заблудился в мирах*? С этой мыслью, уложив девчонку, ты вышел из барака, намереваясь вернуться к своим записям, и увидел, что туман давно рассеялся, мир залит ясным безмятежным солнцем. Весь осажденный город виднелся как на ладони: дальние крепостные стены, по которым расхаживали воины, угловые башни бастиона, где осами чернели силуэты секретного оружия, темно-синие зазубрины гребней кратера, кроны деревьев, белые, отливающие мрамором и агатом фронтоны и карнизы дворцов. Среди всего этого круглой горой возвышался большой Банзай. У него был празднично-торжественный вид, словно это был главный день для него, день поклонения и подношений. Казалось, он вобрал в себя весь дневной свет и теперь излучал его всеми склонами и необозримым куполом, переливающимся темно-красным золотом, самым дорогим, червонным. Вереницы людей с носилками в руках шли к Сфере, рабочие несли хумы с костями вождей кургуров и утургуров. Ты насчитал пятьдесят восемь больших сосудов. Остальных не было. Где же другие хумы, быть может, самые главные? Сокровище храма возвращалось на свое исконное место, и исполин величественно принимал возвращенные дары. По четырём сторонам площади вокруг колосса стояли рядами солдаты – кургуров и утургуров. Они молча наблюдали за процессией. Однако на площади не было видно ни кахана, ни его свиты из вельмож кокборе, ни аругов. Лучился медленным, расплавленным золотом гранитный монолит, и сияние силы исходило от него, заливая отражениями весь город. И ты невольно залюбовался красотой грандиозного сооружения. Банзай словно пылал на солнце, распухал огнем вулкана, отбрасывая

на запад сплошную тень, и верхушка этой тени касалась малого дворца, балюстрады его балкона. Восхищение, даже смятение, холодило твою грудь. Наверное, то же самое испытывали и другие люди, которые видели сейчас Сферу в момент превращения её в храм. Ведь с водворением на место в усыпальницу бранных костей древних вождей гранитный колосс реально становился храмом. Но вот последняя вереница скрылась в подземелье, синим, прохладным шелком колыхнулся воздух, и тогда Банзай пришел в движение. Тебе почудилось, что вполне удовлетворенный исполин самодовольно надул щеки, покраснелся от удовольствия и запел, залопотал, забормотал свою песню, пещерную, горловую, клокочущую. Не только запел, но и закачался в такт, а потом понесся, вращаясь, ухмыляясь с видом счастливого толстяка, возвращающегося с удачного торжища. Чудовище, которое, взявшись за руки, не обхватило бы население всего города, летело гигантским шаром, рокотало и урчало, изрыгало ругады невероятной песни. У тебя подкосились ноги, чтобы устоять на месте, ты схватился за парапет. Наверное, солнечный удар получил – померещилось что-то! Вдруг восприятие расслоилось, и ты узрел немыслимое: находясь в городе, на балконе, одновременно ты стоял на дне высохшей реки, и твоя нога выковыривала какой-то круглый предмет, скрытый среди песка и щебня.

Старик огня

Хорошо то, что неизбежно приходит к концу, а то, чего вообще не может быть, это, наверное, сон *того, кто заблудился в мирах*. С этой мыслью ты завершил медитацию и открыл глаза. Твой помост был почти завершен. Он напоминал гнездо вороны, только огромное. Помост был сплетен из хворостин, стеблей тростника, камыша, соломы, обрывков чьей-то одежды, былинки, укреплен поленьями и сучками, ветками и корягами, жердями и стволами упавших деревьев. Несмотря на столь разнородный материал, он выглядел довольно-таки искусно выполненным, связным произведением. Помост был высушен, прокален солнцем, провязан веревками и проволокой. Он устоял во время недавней бури, не потеряв ни одной тростинки или прута. И ты был весьма доволен этим. Кроме того, внутри этого гнезда было довольно-таки уютно, даже тепло, хотя в ночные часы ветер начинал задувать во все щели, затеявая мрачноватую, унылую песню одиночества. Внимательно оглядев помост, ты решил, что всё-таки в нем чего-то не хватает. Но чего не доставало этому гнезду? С этим вопросом, застрявшим в голове, ты направился через ночной город к лачуге ваятеля.

Бедовый старик-ваятель иногда встречался тебе на улицах города, на пустошах или буераках долины, где в изобилии валялись корни и коряги джиды, туранги, тамариска. Черный и тощий, словно камышовый джинн, бородач тащил охапками корни, причудливо переплетенные, напоминающие химерических существ, застывших в предсмертной судороге. Самым интригующим обстоятельством, щекочущим нервы, было то, что ушлый старикан был поразительно похож на тебя. И когда вы встречались в пустыне, пробегая мимо, вы не останавливались, не задерживались хотя бы на минуту. А ведь у туземцев, тем более – старцев, было заведено приветствовать друг друга. Ваше необъяснимое сходство и было причиной того, что вас словно порывом холодного ветра отбрасывало в стороны. А когда ваши взгляды случайно встречались, в странном ступоре ты узревал собственное отражение в его глазах: трухлявый пень-колода, дочерна смуглый, колченогий старик-лесовик, изборожден-

ный замшелыми складками, неся довольно-таки прытко, таращась из густой чащи коряг и веток. Всё тот же безответный вопрос застарелой тревогой стыл в его глазах, и это было всё то же удивление. Пробегал старик, несомый то ли ветром, то ли велением неба, то ли гонимый заблудшей, лихой судьбой. И когда он узнавал самого себя в глазах такого же старика, словно увлекаемого смерчем, он отпрыгивал в сторону, будто увидел лешего. Реакция эта и была голосом совести: кому приятно узнавать самого себя в другом, таком же, несущем роковую печать той же неизлечимой болезни – жизни. Воистину не за что было тебе любить и привечать ваятеля или дервиша, такого же сумасшедшего, бродягу и болтуна. Вы трое никогда не признались бы себе, что были слеплены, сочинены бредом призрачных мотыльков под тенью сгнившего баркаса. Вы не любили жизнь, стремились к смерти, и эту страсть видели друг в друге. В этом вы были похожи как двойники, словно вас вырезал из одного корня древней пустынной джиды безумный ваятель.

Однако в этот поздний час ты всё же отправился к дому твоего конкурента, чтобы найти ответ на тревожный вопрос, чего же не хватает твоему помощу. Ты бежал через ночной город, и чем ближе становился дом ваятеля, тем сильнее сомнения терзали тебя. А что, если вы опять встретитесь взглядами, коснетесь чего-то и узнаете кое-что друг о друге? Это было бы похоже на нежелательную встречу двух соучастников преступления, которые хотели бы забыть о том самом деле, в котором были замешаны, делали всё, чтобы вычеркнуть из памяти это. Но вот встретились случайно и увидели, что ничто не забыто, что в памяти обоих всё еще тлеет, живет то самое. За что же любить двойника по бреду, зараженного той же неумолимой страстью?

Измученный этой борьбой, ты подкрался к дому ваятеля и тихо приоткрыл незапертую дверь. Зловоние помещения, забитого до отказа старыми вещами и заношенной, грязной одеждой, ударило в ноздри. Однако ты даже не поморщился, напротив, тебе почудилось, что ты был уже здесь, причем многократно, и что внутри этого сарая тебе знакома каждая вещь, каждый уголок. Всё же когда ты успел побывать в хижине ваятеля и почему не помнишь этого? Для ответа на этот вопрос нужен был продолжительный анализ и помощь мотыльков, но времени на поиски не было, поэтому ты потянул ручку на себя и ловко, как мышь, скользнул внутрь. Слава Синей волчице! Дома никого не было. В центре сумрачного помещения высилась круглая штука, массивная, отливающая бронзой, и когда ты её увидел, у тебя заныли кисти рук, будто эта штукovina каждый день причиняла боль твоим ладоням. Старый дуралей, маразматик, растерявший последние мозги, зачем водрузил в центре жилья здоровенный валун, холодный, надменный, враждебный, словно надсмотрщик? Твой сухой и уютный помост в тысячу раз лучше этого грязного, ублюдочного сарая. Тебе эта мысль так понравилась, что ты захихикал, трясаясь всем телом. Но когда увидел кучу деревянных поделок: гомункулов и уродцев, сваленных беспорядочно рядом с валуном, поначалу замер озадаченно, потом радостно ухмыльнулся. Вот оно что! Вот что притащило тебя сюда зовом интуиции! Тебе нужны химеры-корни, которые некогда видел в охапках на спине безумца-ваятеля. Именно они-то тебе и нужны. Они необходимы, чтобы завершить композицию твоего помоста. Они и послужат тем самым завершающим штрихом, который нужен, чтобы довершить смыслы сложной и небывалой картины. Ты еще раз оглянулся по сторонам, мол, нет ли хозяина, не спит ли он где-нибудь в темном углу на грудах ветоши. Однако ваятеля нигде не было, а полумрак словно поощ-

рял тебя умыкнуть то, что плохо лежит. Эти поделки действительно плохо лежали, безвкусно, как попало, без понимания должной композиции изысканного произведения искусства. Бездарного ваятеля за это надо было наказать. Ты потянул к себе ближнюю поделку. Эта деревяшка изображала толстопузого малыша с огромным животом, короткими ногами с плоскими, утиными подошвами, с пухлым лицом, которое бессмысленно пучило на мир круглые глаза – явный признак базедовой болезни. Этот чудик первым отправится в последнее путешествие! Ты ловко взгромоздил изделие на спину, при этом тебе почудилось, что кукла чихнула, завозилась на твоём хребте, устраиваясь поудобнее.

Вовсю работая ногами, ты мчался в ночи спящего города. Когда-то, в другой жизни, ты так же бежал, неся дрова хозяину – дунганину, а тот ехал рядом на ишаке, напевал песенку, и вам обоим было очень хорошо. А сейчас кукла подпрыгивала на твоей спине, но она была легкой, а тебе было радостно, потому что ты знал, что сегодня всё закончишь. Многолетние усилия завершатся полной победой, убедительной, яркой, да еще на глазах всех людей. Но когда ты был уже рядом с площадью и большая Сфера накрыла тебя своей тенью, химера почему-то стала тяжелой, будто налилась свинцом. Она задышала тебе в ухо, сопя ноздрями, отдавая испарениями потного, грязного, больного тела. Потом она застонала, турнула тебя ножкой и сказала явственно: «Апке, мне больно!» – «Потерпи, немножко осталось!» – сказал ты, шагая уже с трудом. Кукла стала прямо-таки тяжелой, и ты еле тащился, проливая пот. В чём дело, почему деревяшка стала такой грузной, будто налилась весом всего мира? А поделка стонала, пачкала тебя слюной, просилась на землю, хныкала и все время звала Апке. Ну и дела! Дотащив кое-как куклу до помоста и устроив ее в углу, где зияла дыра, ты выпрямился и вытер испарину со лба. Однако усталости как будто и не было, напротив, азарт горел в тебе возбуждающим, задорным огнем. Ты понимал, что нашел клад, который искал много лет, и теперь, пользуясь темнотой, надо успеть перенести его на помост. И ты отправился в очередной поход.

Следующей поделкой, которая оказалась на твоей спине, был осенний заяц, грустный, неказистый, не нужный ни зиме, ни лету. Он был буро-пятнистый, потому что не успел поменять зимний окрас, а его печаль объяснялась давним страхом. И опять бежал, семеня ты, а тень зайца неслась немного на отшибе и словно бы впереди. Коян накопил за свою жизнь столько страхов, что тень его стала тяжелее его самого и поэтому, быть может, даже живее. Шальным скоком летела ушастая тень, прядая туда и сюда, задыхаясь, ища укрытие. Зачем кояну такая жизнь, зачем спасать такую душу, загнанную демонами страха? Робкая душа, всю жизнь убегавшая от зубов волков и псов, лис и шакалов, пусть даже ценой смерти, но должна жаждать освобождения. «Пусть народится заяц в другой жизни ужасным львом, грозно рыкающим, выступающим гордо, – бормотал ты, жалея кояна. – Отмучился он и должен быть прощен». На помосте заяц нашел свое место и затих, и его не было видно в густом смешении коряг и веток.

Затем ты перенес филина. Тот тоже имел тень, которая кружила, веяла, парила над твоей головой, ухала и гугукала, рыскала всюду, ища то ли добычу, то ли вчерашний день. Великим лесным воином был филин, страха он не ведал, знал все тайны леса и бескрайней ночи. Ужасным и роковым божеством считали его зайцы и сурки, обходя за версту его гнездо, почитали и творили молитву. Филин не ведал страха, истреблял без всякой жалости крыс, мышей, ящериц, всякую мелкую живность. Но именно поэтому в другой жизни

должен был он изведать долю страха. Каково же было твое удивление, когда уже на помосте снимал со своей спины филина. Тот успел донельзя одряхлеть, осыпаясь ошметками перьев и пуха, и всё закатывал блеклые глаза, затянутые дряблой пленкой. Нашлось место и для совы на помосте, она затихла рядом с кояном и малышом.

К утру ты перетаскал почти все поделки ваятеля, всяких нетопырей, хи-мер, уродцев, – кого только не было в куче фигур в хижине старика. Сам мастер так и не показался, чему ты был искренне рад. Ты бы унес и громадный валун, покоившийся в центре комнаты, но для этого нужна была сила слона, поэтому напоследок прихватил статуэтку девушки, притулившуюся под боком камня, и со всех ног помчался к себе. Несмотря на ночной труд, было тебе радостно и легко, бежал ты прытко, а рядом мельтешила, спешила тень ваятеля. Она не отставала от тебя и до странности напоминала тебя самого, однако на раздумия времени не было, потому что близился час рассвета. Нужно было установить статуэтку Апке, найти ей подходящее место. А это было непростым делом, бездарному ваятелю здесь делать было нечего.

Апке

Тебе почудился голос, сиплый, отрывистый, похожий на лай. Он сказал: «Ваше величество, в городе появились генералы Боря и Кабанбай». Минутная пауза, затем ответный голос приказал: «Арестовать! Питать! Казнить возле Банзая!»

И ты заплакала, заканючила, словно кобчик лесной, жалующийся на необъятность дремучих чащ, морозные туманы и угрозы надвигающейся судьбы. И тогда из облаков вышла она. Ты сразу узнала её по ласковым, синим глазам, точеному лицу, овеваемому всполохами белизны, стекающими с открытого, волевого лба. Она шла к тебе через поле, протягивая руки, ветер полоскал её светлое платье, простое, в горошек, обметая, обрисовывая тело, и ты, девчушка пяти лет от роду, со всех ног спешила к матери, запинаясь, смеясь своей неловкости, а здесь – вполне взрослая женщина заливалась горькими слезами. Оказывается, ты никогда не забывала образ матери, он всегда жил в глубине твоей памяти следом пережитого некогда счастья и боли утраты. «Иди ко мне, дочь моя. Иди, дочурка милая, иди смело, не оглядывайся, не бойся!» – говорил её взгляд, и ты понимала, что час близится, он уже рядом, дышит тебе в спину.

Затем ты увидела циклопическую Сферу, розовеющую в лучах солнца. Она наливалась внутренним жаром, накалялась живым светом и силой, словно гигантский бутон невиданного цветка, готовый вот-вот раскрыться миллионами лепестков и засиять яркими переливами сочных, поющих красок. Вот чудо! Это же *цветок всей жизни!* Влажная, тугая кожа бутона задрожала, затрепетала, по ней побежали трещины, и грандиозных размеров лотос начал медленно раскрываться, испуская лучи во все стороны, издавая едва ощутимый, но всё-таки явственный малиновый звон. Тебе почудилось, что разом зазвенели тысячи крохотных медных колокольчиков. Несметное количество лепестков сверху вниз рядами последовательно открывалось свету, расправлялось хрустко и выгибалось округло, звеня и ликуя. И каждый из них был чьим-то голосом, чьей-то судьбой, звучащей нотой в многоголосом хоре расцвета. И ты почувствовала, как зашевелились невидимые лепестки твоего существа, готовясь расправиться. Озноб пробежал по телу, холодящий озноб восторга.

Кахан

Ты только что вернулся с осмотра крепостных стен. Пулеметы были установлены на вершинах угловых башен, и их стволы смотрели на четыре стороны света – запад, юг, восток и север. Рядом выстроились ящики с патронами. Боевые расчеты находились здесь же на позициях. В бинокль изучил расположение вражеских войск. Куда бы ни взглянул ты, всюду виднелись ряды шатров, юрт, шалашей, частоколы защитных сооружений, колонны войск между ними, словно рябь моря, трепетали на ветру бесчисленные штандарты. И так до самых гребней кратера.

Громадное войско Джурухи окружило весь город, перекрыв все пути и дороги. От твоих туменов, запертых в восточных каньонах, никаких вестей не было. Что с ними? Ведут ли они бои или ушли дальше за пределы кратера? Или они разбиты, расформированы и подчинены Джурухе? Почему враг не наступает? Или они знают о свойствах твоего оружия? Передние ряды их джасаков не нарушают незримую линию, за которой начинается зона досягаемости огня твоих пулеметов. И так вокруг всего города. Они как будто знают, что дальность стрельбы пулеметов – шесть километров. И не переходят границы зоны огня. Но откуда знают? Ведь строжайшим секретом была окутана тайна наличия огневого оружия у тебя. О нем говорилось только в общих словах. Даже твои генералы не ведали подробностей. О пулеметах знали только Апке и мастера подземных цехов. Но они никогда не выходили наружу, с горожанами никаких связей не имели. Так верна ли Апке кахану? Она довольно таки странно, как-то подозрительно вела себя в последнее время. Исчезла на несколько дней, и никто до сих пор не знает, где была она. Затем слегла в горячечном бреде. Ты приставил к ее постели своих телохранителей, велел запоминать ее бред. Два дня назад пришла она в себя и сразу распорядилась перенести хумы из подвалов малого дворца в усыпальницу великой Сферы. Так ты с неприятным удивлением узнал, что останки кургурских вождей не сгорели некогда в кострах, а были сложены в хумы и спрятаны до поры-времени. Своевольный приказ Апке очень не понравился тебе, но в гарнизоне города было двадцать тысяч кургуров и утургуров, воинов, и ты смолчал. Эти солдаты – сила. Еще недавно они были рабами. Неизвестно, как поведут себя во время штурма стен. Возвращение костей на место они восприняли с одобрением. Иначе быть не могло. Этот шаг Апке мог сослужить тебе неплохую службу. Тем не менее поведение Апке ты воспринял как вызывающее. Так не предала ли тебя она, сообщив врагам о данных оружия? Если Джуруха и его советник Сай Чуй осведомлены, они не пойдут в лобовую атаку. Скорее всего, они решат взять город измором. Возможно, они знают, что запасов еды у гарнизона хватит от силы на месяц, а потом начнется голод. Мор покорит им столицу страны. Для них это – самая верная стратегия. Значит, штурм не будет. Это даст тебе время для обдумывания дальнейших действий. Если установить два пулемета на повозках, ты можешь начать наступление сам. И это должно быть внезапное нападение, сокрушительное, беспощадное. В этой атаке надо положить на землю как минимум половину войска Джурухи. Стрелять и стрелять, косить и косить, чтобы переломить ход войны. Увидев этот жестокий разгром, твои войска в каньонах ударят в тыл Джурухе, и он увидит конец своим мечтам. Надо тщательно обдумать этот план и привести его в действие, посвятив только начальника штаба. Апке не должна знать об этом замысле. Если бы не приказ императора, ты давно свел бы счеты с ней. Она слишком независимо ведет себя. Надо отдать ее солдатам, самым

жалким и подлым. Пусть потешатся. Но это потом, сначала ты расправишься с Джурухой. Потом заставишь Апке выдать код абсолютного оружия. Затем спокойно займешься той штукой, что лежит на дне разлома. Ты будешь полновластным хозяином всего и вся.

С этими мыслями ты расхаживал по своему кабинету. Печальной, смурной совы не было видно. Наверное, состарилась и отдала богу душу. Призраки тоже умирают. Туда и ей дорога! Сова основательно тебе надоела. Но что это за темный силуэт в углу? Ты пригляделся и различил в дальнем углу силуэт подростка, бледного, как бы стертого до состояния смутного пятна. Да, это был призрак мальчика. И он словно бы тебе знаком. Ты как будто видел уже этот образ, но когда, где и при каких обстоятельствах?

Ты остановился и в недоумении потер ладонью лоб. В голове мельтешили разные сцены: дорога, сухое русло реки, кукурузное поле, небольшая отара, мешковатая фигура рядом с овцами. Откуда эти воспоминания и чьи они? Быть может, чип Икаи передал тебе эти образы, и они не твои, а чужие? Но откуда впечатление, что видения эти из забытого прошлого, твои? И этот импульс пробивается из подсознания, обжигает глухой, непонятной болью. И звучит голос, который повторяет одно и то же: *«Заблудившийся в мирах, заблудившийся в мирах»*. Кто заблудился, в каких мирах?

Телохранители у двери выпрямились, стукнув копытами о пол. Они предупредили о появлении человека. Ты повернулся. Вошел начальник разведки. У него был простуженный, сиплый голос. Полковник доложил, что агенты видели в городе генералов Борю и Кабанбая.

– Арестовать! Пытать! – приказал ты.

– Но... – пытался возразить полковник.

– Не цацкаться с этими предателями! По их вине наши войска потерпели поражение в долинах Лу Тау, и попали в плен сразу четыре тумена. Генералы должны были покончить с собой, как знатные люди, соблюдающие кодекс чести. Однако они не сделали это и как жалкие трусы сдались на милость врага. Они такие ничтожные, что оказались не нужны даже Джурухе. Зачем мне эти негодяи? Объявить всему народу, что генералы-предатели виновны во всех наших неудачах, всех бедах многострадального народа. Приказать, чтобы на площадь люди пришли с камнями в руках. Эти беглецы должны быть казнены не как солдаты, не как боевые генералы. Пусть каждый бросит в них камнем. Но сначала тщательно допросить, выведать всё, что они знают о войсках и планах Джурухи.

Полковник поклонился и ушел. Ты взглянул в угол, где призрак всё еще стоял, уплотняясь серым облачком. Ты был доволен своим решением, крупными шагами мерил пространство изумрудно-зеленого ковра. Хром сапог скрипел и визжал как-то радостно. Еще бы! Это была тактическая находка. Если бы её не было, надо было придумать ее. Эти гордецы – козлы отпущения, и символ этот не зря создан древними. Все великие императоры и цезари пользовались услугами козлов отпущения. Такова их жалкая роль и ничтожная судьба. Генералы сами напросились на эту роль. Всем своим вызывающим поведением напросились. Это они привели экспедиционный отряд к гибели. Они хотели подставить кахана, чтобы император обрушил свой гнев на него. Пусть же теперь отвечают за свою хитрость. Простым людям недосуг разбираться, кто виноват в их бедах, гибели сыновей. Им надо показать, ткнуть пальцем: вот, мол, они, демоны, вызвавшие зло, обрушившие горе на вашу голову! Это по их вине доблестная армия зардара пережила горечь разгрома в долине Лу Тау, это они открыли путь Джурухе в центр страны,

сдав четыре тумена врагу. Их подлое предательство стало причиной последовавшего краха обороняющихся на подступах к кратеру. Боря и Кабанбай, можно сказать, привели полчища врагов к стенам города. И они еще смели объявиться в столице. Значит, они шпионы, агенты врага. Как мог Джуруха отпустить их, боевых генералов? Таким образом кахан будет оправдан в глазах народа. К тому же кости предков почти все положены на место. Это Апке правильно сделала. Тем хуже для нее.

Апке и Анта

Анта сказал, глядя как-то виновато:

– Я сдержал слово. Боря и Кабанбай были отпущены на свободу.

– Я знаю, – эхом откликнулась Апке. – Кости предков почти все положены на свое место. Я тоже сдержала свое слово.

– Но генералы, твои братья, схвачены по приказу кахана. Их допрашивают и пытаются.

– Ах! – воскликнула Апке и закрыла лицо руками. – Что я наделала! Лучше бы они оставались у тебя, Анта. Что я наделала!

– Я отдам приказ начать штурм, чтобы спасти твоих братьев, – сказал он.

– Принести в жертву тысячи, чтобы спасти двух человек? – спросила Апке, исподлобья глянув на Анту.

Тот, храня суровое безмолвие, смотрел на нее. Хмурые его глаза светились темным огнем.

Она долго молчала, потом сказала:

– Завтра будут внесены в храм последние кости вождей и останки царя. Слово должно быть выполнено. Пусть все кургуры и утургуры в гарнизоне придут на площадь. Завтра всё решится.

Апке и кахан

– Твои братья завтра будут казнены на площади, – сказал кахан, строго глядя на Апке.

– Пощади их. Они не виноваты. Они верой и правдой служили тебе, – дрогнувшим голосом сказала она.

– Их казнь необходима! – воскликнул кахан. – Они предатели и отступники. Народ жаждет суда над виновниками несчастий и должного возмездия. Их осудил народ. Я же умыл руки.

– Они когда-то спасли твою жизнь. Помнишь? – спросила Апке. – Прости их! Зардар вскочил и заходил по комнате туда и сюда.

– Да, помню. Я не злодей и не страдаю потерей памяти. Твои братья могут быть пощажены. Всё зависит от тебя.

– Я всё сделаю для них, – не задумываясь, сказала она.

– Всё? – недоверчиво спросил кахан.

На его лице разгоралась слабая улыбка. Нет, он не злорадствовал и не торжествовал. Просто не мог поверить своему успеху, что вот-вот достигнет цели многолетних усилий, что победа сейчас достанется ему, упадет прямо в его ладони. Неужели это сейчас произойдет? Он узнает то, чего добивались оба императора, ради чего они были готовы пожертвовать многим? Заветный ключ к власти, полной власти над всем миром?

– Скажи, в чем тайна абсолютного оружия? Выдай код, и твои братья будут спасены! – медленно произнес он. – Ты же знаешь его. Знаешь?

– Да, знаю, – задумчиво ответила она, прислушиваясь к чему-то внутри себя. – Я скажу это слово. Оно действительно есть. Завтра на площади я произнесу его, а братья немедленно должны быть освобождены.

– Завтра так завтра! – раздраженно сказал кахан и вышел.

Собака

Большая серая собака выбежала из чащ черных тростников и запетляла по берегу озера. Свальявшаяся шерсть космами ниспадала с ее боков. Псина обнюхивала следы на мокром песке, вдруг кинулась было за утками-нырками, но те скрылись в волнах. Разочарованная псина поглядела им вслед, затем затрусилась к воинскому лагерю. Она пробежала мимо юрт, шатров, частоколов. Пара тибетских псов, которые охраняли шатры командиров кургуров, ринулась было за ней, но собака так ощерилась, вздыбив серый загривок, что мастифы с ходу замерли, подняв хвосты, постояли, рыча, и вернулись назад. Покружив по лагерю кургуров и утургуров, всюду прогоняемая криками и камнями, псина покинула стан и оказалась в безлюдной шестикилометровой зоне. Здесь кроме сурков, выглядывавших из нор, и юрких сусликов никто не попадался ей на пути. Псина была отощавшей после многодневного бега, ее темные сосцы свисали чуть ли не до самой земли. Колючки репья сухими гирляндами желтели на ее шерсти. Ей бы поймать какого-нибудь сурка, благо они здесь были крупными и жирными. Собака нехотя трусила по солнцепеку, обнюхивала норы, однако ей было лень доставать сусликов, тем более лежать в засаде на жаре. Так она добежала до городской стены и остановилась. Какой-то дозорный выругался и стрельнул в нее из лука со стены. Собака метнулась в сторону, юркнула в ров с высокого вала, пробежала по дну метров сто, и, найдя старую нору, нырнула в нее. А через минуту она уже выбралась по другую сторону стены и побежала по улицам города. Здесь малящих сильных запахов было гораздо больше. Стая злобных и трусливых шавок погналась было за ней, но псина отпугнула их свирепым рыком. Перебегая с улицы на улицу, с переулка на переулок, она постепенно приближалась к главной площади, где почему-то было много людей. Темные солдатские шеренги окружали всю площадь. В центре площади под боками колоссальной круглой горы что-то происходило. Псина постояла, обнюхивая воздух, потом побежала к сооружению, похожему на огромное воронье гнездо.

Велика смерть, если она является избавлением. Нет более великого преображения для идущего по пути, чем смерть. Так думал ты, каменя на своем помосте, похожем на огромное гнездо.

Боря и Кабанбай стояли недалеко от твоего помоста. Их одежда была разорвана, содрана почти до пояса. Мускулистые, смуглые тела генералов были исполосованы ударами кнутов. Свежие раны на спине атели длинными порезами, и с них капала кровь. Громадное тело Банзая необозримыми сводами круто уходило вверх. Восходящее на востоке солнце скоро начнет слепить глаза косыми лучами. «Скорее бы всё закончилось!» – прошептал Кабанбай и облизнул сухие губы. Боря глянул на него, однако ничего не сказал. Их руки были завернуты за спину и крепко завязаны волосяными арканами. Не жажда, а боль в затынутых запястьях сильнее всего мучила Борю.

Вокруг площади плотными шеренгами стояли кургуры и утургуры, вчерашние рабы, сегодняшние солдаты, облаченные в темные доспехи, при полном вооружении. Острия копий сверкали на солнце. Рослые солдаты молча

взирали на опальных генералов, однако в их глазах не было ни тени злорадства. В центре площади толпились горожане, их было около тысячи человек, в основном это были богатые общинники, знать из кокборе и борисаров. Они недоуменно переглядывались, с боязнью поглядывая на воинов – кургуров и утургуров. Каждый из них сжимал в руке увесистый голыш. Им было не по себе. Им приказали явиться на площадь к большой Сфере, взяв с собой по одному камню.

Вдруг шеренга воинов на юге шевельнулась. Сотник что-то выкрикнул. Солдаты расступились, пропуская на площадь небольшую группу людей. Показались два старика – ваятель и дервиш, за ними топал, переваливаясь на коротких ногах, Малыш утенок, семенил Коян, поспешал Уку филин. Последним шел Тайбала. Был на то особый приказ кахана: доставить на площадь этих людей, и чтобы имели они при себе камни. Все эти шесть человек тоже подошли к помосту Старика огня и остановились неподалеку от Бори и Кабанбая.

Снова послышался крик сотника. Солдаты на западе расступились, освободив широкий проход для процессии евнухов. Те шли молча, глядя прямо вперед в сторону Сферы. Все, кто стоял на площади, повернули головы, глядя туда, откуда приближалась величественная процессия. Евнухи по четыре человека на каждую носилку несли большие хумы ко входу в подzemелье великого храма. Ветерок развеивал складки их длинных черных накидок. Вереница евнухов была длинной, вскоре она вся вытянулась из малого дворца на площадь. Мужчины в черных балахонах, с закрытыми лицами несли сорок больших хумов. Первая четверка евнухов уже скрывалась в зеве входа в подzemелье храма, а последняя четверка еще только входила на площадь.

Легкий гул одобрения пронесся по рядам кургуров и утургуров. Воины не могли сдержать радость. Они видели – останки славных вождей седой древности возвращаются на свои места. И это делается по повелению кахана. Значит, он исправляет ошибку прошлого и возвращает долг чести племенам кургуров и утургуров.

Вдруг высоко, светло, ликующе взвилось пение сотен медных рожков. Три раза протрубили они. Затем десятки зычных голосов с разных концов площади провозгласили: «Его величество – кахан! Его величество – кахан!» Солдаты ударили концами копий по брусчатке. Раз за разом. Прогрохотали барабаны, на западе со стороны большого дворца приближалась процессия кахана. Сам он в пурпурной накидке, прикрывающей золоченые доспехи, шел впереди, сзади мерно вышагивали телохранители, все сто, каждый держал в правой руке обнаженный кривой меч, то и дело вздымая его вверх. Вышколенные телохранители шагали в ногу, разом поднимая мечи, и ослепительный всполох световым шаром катился по их мечам, поражая воображение людей.

Великолепная каханская когорта втянулась на площадь и остановилась в метрах ста от опальных генералов. Знатные кокборе и борисары все как один низко склонили головы, прижимая ладони к груди, затем выпрямились, сохраняя умиленно-учтливое выражение лиц. Слева черная, траурная процессия евнухов продолжала медленно идти к подножию храма. Никто из евнухов и не думал останавливаться.

Ветер постепенно усиливался, полоща знамена кургуров и утургуров. Этот свежий ветер охлаждал обнаженные торсы опальных генералов, приглушая боль открытых ран.

Кохан махнул рукой. Из свиты вышел глашатай, развернул свиток и начал читать его трубным, раскатистым голосом. Звук его голоса перекачивался над плацем, отражаясь от боков великой Сферы.

В указе кахана перечислялись преступления двух злодеев, подлых предателей, бывших генералов, Бори и Кабанбая, виновных в поражении войск кахана, гибели десятков тысяч воинов кокборе и борисаров. В документе убедительно доказывалась вина генералов, шаг за шагом раскрывалась подоплека их преступного сговора с Джурухой, приведшего к пленению сорокатысячного войска кокборе и двадцатитысячного корпуса борисаров. Картина предательства и развала армии рисовалась столь убедительно, что в толпе знати кто-то не выдержал и выкрикнул возмущенно: «Смерть генералам-предателям! Смерть подлым шакалам!» Сначала робко, затем осмелев, его поддержали криками еще несколько человек. А потом, увидев холодную улыбку на лице государя, хором заорала толпа кокборе и борисаров. Люди поднимали сжатые кулаки, потрясали камнями. Они уже хорошо поняли, зачем было приказано каждому принести на площадь по голышу.

Глашатай поднял руку. Зычно проревели трубы. В установившейся тишине глашатай произнес, что генералы Боря и Кабанбай приговариваются к позорной смерти – побитию камнями. Приговор военного суда должен быть приведен в действие немедленно после оглашения указа.

Кахан снова поднял руку, чтобы просигналить: начинайте! В упор на него смотрели Боря и Кабанбай. Однако все остальные люди из знати и солдаты в шеренгах повернули головы на северо-запад. Куда они смотрят? Что это такое? Кахан бросил гневный взгляд и увидел картину, от которой едва не поперхнулся.

Замыкая процессию евнухов с сороковым хумом, шли верзилы-евнухи, четверо мужчин огромного роста, которые несли носилку с сидящей женщиной. Они были уже рядом с помостом Старика огня, когда ветер отбросил шторку паланкина, и все увидели Апке. Но самым поразительным было то, что она была облачена в золотой панцирь древней царицы кургугов и утургугов. На ней был высокий заостренный шлем, увенчанный тремя стрелами. Панцирь прикрывал торс до пояса, рукава, ворот, низ длинного кафтана были сплошь покрыты золотыми фигурами волков и бегущих оленей с запрокинутыми ветвистыми рогами.

– Что это за представление? – зло спросил кахан и показал рукой на Апке. Со всех ног бежали к процессии начальник штаба, начальник разведки, несколько генералов кокборе и борисаров.

– Приступать к казни! – приказал зардар, махнув красным платком. Это был сигнал к запланированному действию. Однако никто из людей и не шевельнулся. Неслыханная вольность и наглость! Кахан побагровел. Однако люди, все как один, глазели на евнухов.

Носильщики остановились. Из паланкина показалась Апке, она ступила на брусчатку. И тут произошло что-то очень странное. В южной стороне площади из шеренги солдат выскочила большая серая собака. Она завильяла хвостом и побежала к Апке. Люди словно окаменели. Случилось небывалое: шелудивая бродячая собака трусила мимо кахана и его свиты, и никто не пытался остановить или прогнать ее. А ведь у каждого в руке был камень. Люди стояли истуканами и во все глаза смотрели на собаку, нарушившую величепие царской церемонии.

– Это что такое? Как смели? – хотел грозно спросить государь, однако его ощущения и мысли странно замедлились, расплываясь. Пространство словно раздвоилось, и за призрачным пологом, набежавшим на происходящее, превратив его как бы в сцену, он увидел берег реки, небольшую отару,

подростка в брезентовом плаще. Тот повернул лицо к зардару, и он с содроганием узнал немой и пристальный взгляд призрака из своих покоев. Было очень жарко, ветер выметал струи песка из-под ног. Всюду валялись голыши, сверкая кварцевыми прожилками.

Ты собрал все силы, чтобы сбросить с себя наваждение, и площадь приобрела прежнюю отчетливость. Ты был готов взмолиться, чтобы помутнение больше не повторялось. Между тем собака была уже рядом с помостом. Она вильнула хвостом, и Старик огня, сидевший истуканом, ожил, встал, сошел с помоста и направился к группе людей, где стояли дервиш, ваятель, Тайбала, Малыш утенок, Коян и Уку филин. Те тоже пришли в движение, будто фигуры, которыми управляли невидимые нити кукловода. Тайбала направился к братьям, Боре и Кабанбаю. Дервиш и ваятель шагнули к Старику огня, их стало трое. Малыш утенок, Коян, Уку филин остались стоять на месте, их тоже стало трое. Тайбала подошел к братьям, их тоже стало трое.

«Что это такое? Как вы смели?!» – гневно повторял кахан. И вдруг он услышал голос, который произнес: «Когда трое станут одним, а одно наилегчайшим...» Пространство опять стало глубоким и расслоенным, и ты перестал слышать голос.

Собака была уже рядом с Апке, она всё виляла хвостом и скулила, а рядом с ней происходило немыслимое и невозможное. Апке вытянулась ростом, ее синие глаза потемнели, стали иссиня-черными, еще минута – и на площади рядом с помостом высилась царица древности, легендарная повелительница кургуров, утургуров, кокборе и борисаров. Нестерпимым блеском сияло золото панциря, развевалась, полыхала пламенем длинная пурпурная накидка. Превращение было столь разительным и впечатляющим, что знатные кокборе и борисары медленно опустились на колени, воины – кургуры и утургуры присели и склонили головы, как требовал ритуал приветствия царя.

– Я кахан! Я! – взревел зардар, увидев невозможную, возмутительную сцену.

Собака опять вильнула хвостом, ибо кто-то из стариков чмокнул губами и шагнул к ней. Остальные старики вцепились в его кушак и побрели за ним, словно слепцы. И это было ужасно и невероятно: три старика, известные всем горожанам, внезапно обратились в беспомощных слепцов. Они чмокали губами и шли туда, где радостно и томительно скулила собака.

И тогда царица древности сказала звенящим голосом, который проник в сердце каждого человека, зазвенел в душе любого из кургуров, утургуров, кокборе и борисаров:

– Дети мои, мои отпрыски, я явилась к вам из глубины времен, чтобы остановить губительную распрю между вами. Я, первая из девяносто девяти поколений ваших вождей, восстала из праха, воплотилась в живое тело, чтобы вернуть вам исконное – ваше царство, ваши земли от восточных хребтов до западного моря и большой реки. Я дам царя из ваших сыновей, будьте послушны ему, владыке, храните мир и согласие между вами. Отдаю вам на веки вечные этот город. Берегите и храните сей храм, где будут покоиться кости благородных предков, в том числе и первой вашей царицы. Да будет так. Эти славные генералы ни в чем не виноваты. Они свободны и со своими братьями вернутся на свою истинную родину. Они чисты перед вами. Помните их имена: Апке, Боря, Кабанбай, Тайбала, Малыш утенок, Уку филин, Коян. Никогда не забывайте их, давших вам путь.

– Я кахан! Я! – ревел зардар. – Кто ты такая? Как ты можешь назначать кахана? Я избран, поднят вождями на белой кошме. Я, великий, славный!

Царица взглянула на него кургурскими, бездонными очами, и государь, словно что-то попало ему в горло, закашлялся.

– Вот он – кахан, стоит за тобой. Пусть выйдет вперед. Вперед, кахан кургуров, утургуров, борисаров и кокборе! Вперед!

Измученный зардар обернулся и увидел еще более поразительную сцену. Его телохранитель, раб, ничтожество, тень его – синеглазый верзила сделал шаг вперед, потом еще и еще, и оказался на виду всех людей. Он поднял руку вверх и что-то сказал на своем туземном языке. И тотчас все двадцать тысяч воинов кургуров и утургуров взревели штормом: «Джуруха – кахан! Джуруха – кахан! Джуруха – кахан!»

Государю показалось, что он окаменел в дурном и страшном сне: его раб, телохранитель стоял на площади, а армия славилась его громовым ураном: «Джуруха – кахан!» Что это такое? Быть может, его хватил солнечный удар, или нынче его отравили и он видит предсмертную жуть? Быть этого не может! Знать кокборе и борисаров застыла в морозном ужасе и благоговении.

Джуруха же сказал:

– Доблестный мой народ! Много месяцев назад, переодевшись простым воином, я сдался в плен и оказался здесь в качестве неузнанного раба. Никому и в голову не пришло, что кахан может предстать простым рабом. Моей страной и войском управлял мой брат, я же был здесь и делал всё, чтобы предостеречь массовую гибель моих людей от дьявольского оружия пришельца.

И тогда зардара осенило. Догадка сверкнула в его голове, и он всё понял. Всё стало на свои места. Оказывается, сам Джуруха был его телохранителем и всё разведдал, всё выведал. И он, махая красным платком, закричал срывающимся фальцетом:

– Огонь на поражение! Огонь из всех пулеметов! Огонь!

Однако двадцать тысяч кургуров разом ударили по брусчатке древками копий, гул прокатился по площади. Еще раз! Затряслась земля. Не правитель уже, а полковник нагнул голову и отскочил в сторону.

Между тем Джуруха продолжал говорить, и его чугунный бас катился над площадью:

– Повелеваю освободить генералов, Борю и Кабанбая. Сопроводить их в дорогу со всеми почестями. Объявляю конец войне. Все четыре народа, кургуров и утургуров, борисаров и кокборе, да примут долгожданный мир под сводами великого храма. Мир сыновьям древних племен, отпрыскам Синей волчицы.

И тогда ты кое-что вспомнил. Нет, так позорно для тебя это представление не должно закончиться, не должно! Глядя на царицу, ты закричал, судорожно трясясь:

– Ты обещала произнести здесь заветное слово! Обещала открыть код! Так сдержи же слово. Не обманывай, если ты истинная царица!

Она вновь метнула на тебя свой жгуче-черный кургурский взгляд и усмехнулась. Именно в эту минуту трое стариков-слепцов дотащились до собаки. Первый из них позвал ее: «Ка! Ка!» Собака тут же отозвалась умиленным скулежом, подбежала к ним и лизнула первого из них. Тотчас трое стариков на глазах потрясенных людей превратились в сову. Та взмыла вверх и закружила над площадью. Собака же затрусилась дальше и подбежала к Малышу утенку, Кояну, Уку филину и лизнула Малыша. Эти трое слились в одну фигурку, которая взмахнула оранжевыми крылышками и полетела ввысь. Это была бабоч-

ка-махаон. Серая собака была уже рядом с Борей, Кабанбаем, Тайбалой. Она лизнула Борю, и трое слились в нечто одно, взвившееся голубой сойкой.

Ты по колено ушел в песок, ты опять был капитаном спецслужб, а все остальные твои личности – полковник, правитель, кахан – казались сном того, кто заблудился в мирах. Перед тем как стать Рыжиком, а затем неизбежно – ученым-крысачом с длинным голым хвостом, ты закричал: «Проклятие вам! Огонь! Огонь!» Но было уже поздно. Бабочка-махаон, неясить и сойка ринулись друг к другу, ударились в полете и через мгновение в воздухе осталось одно существо, ночной мотылек – бражник. Серый невзрачный мотылек запорхал в воздухе, кружась, вясь.

Рыжик сложился пополам и превратился в крысу. Та шмыгнула было мимо, но Джуруха ударом ноги отправил её в полет прямо под своды исполинской Сферы.

Царица сказала своему народу:

– Было дано слово положить кости предков на место, в том числе святые мощи царицы. Слово должно быть исполнено. Я отправляюсь в усыпальницу. Прощай, мой народ, живи в мире!

Царица направилась ко входу в подземелье храма. Длинный пурпурный шлейф за ней заструился языком яркого пламени. И тогда помост, напоминавший большое воронье гнездо, ожил. Он запылал истовым огнем, а из этого огня выбежали странные существа: гомункулы, химеры, уродцы, вот проковыляла девочка-паук, пробежал, топая, мальчик-слоненок, ветром пронесся человек-олень, протрусил кабан, прорысил волк с человечесьей головой, пронесся скачком заяц, пролетел кургузый филин. Все эти существа как один стонали: «Апке, не уходи! Апке, не поднимайся по лестнице роковой, губельной!»

А из огня выбегали толпами кукурузные мальчики и девочки и, упоенно мотая вихрами и косами, бежали вслед за повелительницей. Над площадью стоял гул и шорох зачинающегося ветра. У самого входа в подземелье царицу остановила крыса. Она ощерилась и тонко провизжала: «Слово надо держать! Скажи код! Скажи!»

И царица произнесла слово.

«Что?!» – изумилась крыса и ринулась было назад, чтобы применить оружие. Но в это время мотылек сел на бок Банзая, и циклопическая Сфера задрожала, накренилась. Крик ужаса пронесся над площадью. Крыса мчалась опрометью, бежали люди во все стороны. И было отчего. Дрожала, шаталась вся долина, весь кратер от края до края. Потому что гул исходил из самой земли. Земля разверзалась длинными, зияющими трещинами, которые, ширясь, превращались в траншеи, рвы и самые настоящие каньоны. Котловина вздымалась, поднималась грудями дымящейся земли и камня. Падали в ямы, в распахнувшиеся пропасти дома, дворцы, бастионы, крепостные стены. А из бездны, сотрясая всю долину, в огненных перекрестиях и зигзагах молний, поднималось абсолютное оружие. Оно было колоссально, настолько велико, что Сфера, опрокинутая тряской, выглядела маленьким камешком. И это был не астероид, а космический корабль, черный, массивный, в граненых выступах непроницаемой брони. Он поднимался медленно и величественно, словно говоря своим видом: «Отныне ваша история изменилась необратимо и навсегда».

Ты оторвал голову от мерзлого песка, но не успел встать на ноги, как тебя подняло, закрутило и бросило в центр пыльного смерча. Когда пришел в себя, увидел, что стоишь на дне высохшей реки. Это была река Усек, а дальше в отрогах крутых гор виднелся холм, из-под которого выбегало желтое русло. Гора напоминала очертаниями то ли лежащую мышь, то ли крысу. Голова нестерпимо болела, и это оттого, что вчера в сарае ты надрался сивухи. Потом всю ночь снился жуткий кошмар, твоя душа заблудилась в снах, устрашающих, грозových. Запомнился последний сон. И в этом сне будто бы был ты крысой и убегал от гигантского каменного шара, который катился прямо на тебя, грозя раздавить чудовищным весом в миллиарды тонн. Приснится же такое! А так всё нормально. Тебя зовут Жан, и ты бич, живешь в сарае дунганина, вкальываешь за здорово живешь, то бишь за стакан дешевого вина и краюху хлеба. За эту плату собираешь по ручьям и арыкам, руслам высохших рек красивые камни, особенно – нефритовые осколки. За нефрит старик щедро награждает тебя лишней порцией вина и дает отдохнуть. Ну и жара!

Ты поковырял в песке носком облезшего кроссовка. В щелбе что-то блеснуло, и на песок выкатился округлый камень. Он был совершенно круглый, размером с куриное яйцо. Посередине голыша проходил белый кварцевый пояс, деля его как бы на две половинки. На светлой стороне камня темными прожилками словно выгравировано женское лицо, вдохновенное, обрамленное летящими кудрями. На другой, темной половине камня, светлыми прожилками явственно прорисован знаменитый даосский знак Инь-Ян – большие капли, по восьмерке втекающие одна в другую. Ты обомлел. Этот голыш был уменьшенной копией той циклопической Сферы, от которой ты убегал во сне в образе крысы. Ну и дела! Что это такое? Знак тебе?

Ты долго рассматривал находку, пытаешься понять, как могло возникнуть такое чудо. Случай ли сотворил камень с великими символами, или у природы есть свой тайный творец, магический художник, забавляющийся с сочетанием случаев? Ты пытался представить течение Времени... Тысячелетия ушли на то, чтобы валун, лежавший в середине потока, в конце концов превратился в маленький окатыш, способный уместиться в ладони, бесчисленные движения воды, песка, ветра и самого камня ушли на то, чтобы возникла круглая форма и из нее проступили скрытые образы красоты и совершенства. На Земле еще не было людей, когда началась эта произвольная бесцельная работа... и вот тысячелетия колебательных событий, отточивших красоту камня, вошли в твою душу глубоким волнением. Ты вспомнил о знаменитой бабочке, совке-спейредонии, у которой на передних крылышках отчетливо и выразительно выписан даосский знак Инь-Ян. В Китае эту бабочку считали священной. Или другой не менее известный мотылек с изображением жуткого черепа на спинке... Как же получилось, что так странно соединились случай и великий смысл? Чем больше ты ломал голову над этими странными загадками, тем больше терялся в предположениях. Наконец, ты решил, что находка эта – явный знак судьбы, послание тебе, блудному сыну. Эта мысль понравилась. Она так запала в голову, что ты решил никому не выдавать сокровенной тайны. Быть может, она приведет тебя домой. Но где твой дом? Где наш первый и последний дом?